

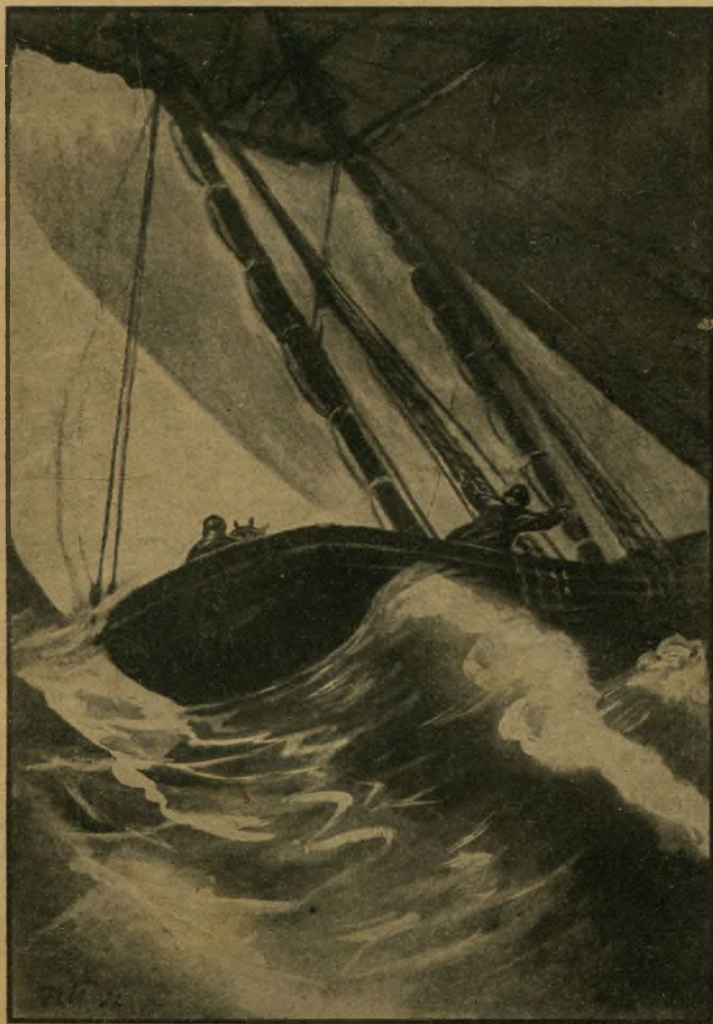


ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 5.

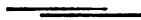
МАРТЪ

1926 г.



Содержаніе:

	Стр.
Рыбаки. Разск. И. Ф. Наживина. 3 рис. . . .	175
Первая война полковника. Разск. Евг. Елачича	180
За древнимъ кладомъ. Разск. Л. Кормчаго. .	183
Маленькій лоцманъ. Разск. съ 1 рис.	188
Судь надъ фараономъ. Изъ древне-египетской жизни съ 1 рис.	191
Малайскія сказки. Переск. О. Юна.	194
Были и сказанія Руси. Освобожденіе крестьянъ Масленица	196
Юный натуралистъ.	198
Бой-скаутъ.	201
Юный филателистъ	202
Спортивный уголокъ.	203
Карандашъ и перо. Творчество нашихъ чита- телей.	205
Обо всемъ понемногу.	207
† Владиміръ Эшенбрухъ.	208
Конкурсъ	209
Объявленія	
Приложеніе: „Дневникъ проказника“ — 5 листь.	





Разсказъ **Ив. Ф. Наживина.**

Экзамены, наконецъ, кончились, и Костя съ Левой, забравъ свои рыболовные снасти, бросились въ родные Пантюки, гдѣ ихъ давно уже поджидала семья. Они думали и говорили теперь только объ одномъ, — о рыбной ловлѣ. Въ прошломъ году, уже въ концѣ каникулъ, въ августѣ, Костя на жерлицу поймалъ щуку фунтовъ въ десять и очень большого полосатаго окуня. Это было такое торжество, отъ котораго Костя долгое время не могъ опомниться, котораго не могъ онъ забыть всю долгую городскую зиму. И сотни, сотни разъ представлялъ онъ себѣ все, какъ было, и сердце его билось, и весь онъ горѣлъ нетерпѣніемъ: ахъ, скорѣе бы кончалась эта несносная зима и опять бы на милую Нѣнду!.. И потому не только двойки, но и единицы были довольно обычнымъ украшеніемъ его „бальника“...

Мальчики, гордясь своимъ рыбацкимъ вооруженіемъ и простыми, смазными сапогами, которые они вымолили себѣ у матери, полагая, что такіе сапоги являются необходимой принадлежностью настоящаго рыбака, помчались послѣ экзаменовъ домой, въ деревню, ревниво оберегая свои снасти отъ пассажировъ: какъ бы кто не задѣлъ, какъ бы кто не сломалъ... Но ѣхать имъ было недалеко: отъ Энска до маленькаго полустанка Уршалъ было всего семнадцать верстъ. На полустанкѣ ихъ ждала уже высланная изъ имѣнія пара сѣрыхъ въ яблокахъ; и, звеня бубенцами, они быстро прокатили тѣ семь верстъ, которая отдѣляла родные Пантюки отъ желѣзной дороги. Дорогой они безъ усталости разспрашивали пожи-

лого, рябого Ефима, съ серьгой въ ухѣ и въ малиновой рубахѣ, о Нѣндѣ, о мельникѣ, о рыбѣ; въ сотый разъ рассказывали ему, какъ поймалъ Костя въ прошломъ году своихъ рыбъ, обѣщали ему не мало такихъ же подвиговъ и въ этомъ году.

А вотъ и милые Пантюки со своимъ старымъ паркомъ, полнымъ какой-то задумчивой грусти, и гнѣдомъ аиста на сухой вершинѣ старой, въ три обхвата липы, и яркими пахучими цвѣтниками, за которыми съ такой любовью ухаживаетъ милая мамочка... Были поздравленія съ благополучнымъ исходомъ экзаменовъ, были теплые поцѣлуи, были вопросы о здоровьѣ и всякіе другіе пустяки, только мѣшающіе жить и удить рыбу, былъ потомъ обѣдъ, — какой, мальчики что-то не замѣтили, — а какъ только отецъ, вставая, загремѣлъ стуломъ, ребятишки разомъ исчезли, точно сквозь землю провалились...

— Непремѣнно на рѣчку убѣжали... — вздохнула мать, уже пожилая женщина съ милымъ тихимъ лицомъ и сѣдыми волосами. — И зачѣмъ ты только даришь имъ эти удочки? Того и гляди утонуть...

— Ну, не подъ стекляннымъ же колпакомъ держать ребятишекъ... — отозвался, дымя своей толстой папирсой, Иванъ Гавриловичъ, плотный красный человекъ съ повисшими внизъ, насквозь прокуреными усами. — Я въ ихъ годы не такъ еще наяривалъ... Пусть бѣгаютъ, пусть наслаждаются... Мы вотъ съ тобой, — съ усмѣшкой вздохнулъ онъ легонько, — не по-

бѣжимъ ужъ съ удочками за четыре версты...

Промелькнулъ полный какого-то загадочнаго обаянія старый паркъ; милымъ солнечнымъ видѣніемъ пробѣжали мимо цвѣтушія солнечныя поля и луга; и маленькая, такая уютная деревенька Уршалъ съ ея старенькой церковкой, крестъ которой горѣлъ надъ полями, какъ тихая лампада. Вотъ сонное Березовое озеро со своими неподвижными кувшинками и утиными выводками въ густыхъ камышахъ, вотъ удивительныя Малиновыя Луга, вотъ старенькій, покосившійся крестикъ на неизвѣстно чьей могилѣ у „Семи Стожковъ“, а вотъ, наконецъ, и сосновый перелѣсокъ, и песчаный спускъ, и сѣренькая мельничка въ головѣ заросшаго пруда. Задыхаясь, потные, раскраснѣвшіеся мальчики однимъ махомъ слетѣли съ крутого берега, сплошь заросшаго густымъ ольшнякомъ, къ своей любимой заводи и... окаменѣли.

На ихъ заводи, на складномъ стульчикѣ сидѣлъ надъ закинутыми удочками Анатолій Ивановичъ, ихъ инспекторъ, тонкій, высокий, исхудалый человекъ, съ блѣднымъ, сухимъ лицомъ, въ пенснэ,—котораго такъ не терпѣли гимназисты, котораго они между собой звали Глистой, а въ случаяхъ особенно торжественныхъ „Шпонькой II, Воночимъ, послѣднимъ изъ рода Палевыхъ Голубокъ“. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ старый пріятель ихъ Ильичъ, мельникъ, огромная лысина котораго добродушно сіяла на солнышкѣ.

Анатолій Ивановичъ обернулся на шумъ и — нельзя сказать, чтобы очень обрадовался, увидѣвъ своихъ питомцевъ.

— А-а... — снисходительно улыбнулся онъ однако. — Вы какъ сюда попали? И даже съ удочками...

— Мы... мы тутъ всегда лѣтомъ живемъ... — оправившись отъ неожиданности, проговорилъ Костя. — У папы тутъ имѣніе...

— А... А я это лѣто снялъ себѣ дачу въ Уршалѣ, на селѣ... Значитъ, сосѣдями будемъ... — сказала Анатолій Ивановичъ попрежнему

снисходительно. — Ну, устраивайтесь гдѣ-нибудь... подальше... А то мѣшать другъ другу будемъ...

— Мы съ того берега ужъ будемъ... — уныло сказала Костя.

— Нѣтъ, и съ того берега... гм... неудобно... — сказалъ Анатолій Ивановичъ, въ которомъ проснулась вдругъ охотничья жадность къ добычѣ и которому хотѣлось сплавить ребятишекъ подальше, тѣмъ болѣе, что отъ такого сосѣдства, пожалуй, и авторитетъ его можетъ пострадать. — И съ того берега неудобно — тутъ вѣдь не широко... Все-таки шумѣть будете, знаете... А между рыболовами водится такъ, что разъ я занялъ мѣсто первымъ, другимъ надо отойти... Я думаю, вамъ лучше всего удить сегодня пониже плотины...

Оживленныя лица мальчиковъ вдругъ завяли: пониже плотины рыбы было куда меньше, а въ особенности рыбы крупной, о которой они столько мечтали зимой, за которую получили столько единицъ и двоекъ и выговоровъ отъ того же Анатолія Ивановича.

— Рѣка вездѣ рѣка... — примирительно проговорилъ Ильичъ. — И тамъ рыбка есть, нечего...

Мальчики поняли, что вечеръ у нихъ пропалъ.

Но дѣлать было нечего: инспекторъ всегда инспекторъ.

И вдругъ рогулька жерлицы у Анатолія Ивановича дрогнула, и бичева, падая на воду кольцами, стала быстро разматываться. Анатолій Ивановичъ, совсѣмъ забывъ о своемъ авторитетѣ, бросился къ энергично хлопающему по водѣ удильнику, уронилъ пенснэ, схватилъ удильникъ, потянулъ и — огромная щука тяжело метнулась вдругъ на поверхности рѣки, большіе круги, переливаясь на солнышкѣ искрами, пошли къ камышамъ по тихой водѣ.

— Эхъ, вотъ такъ штука!.. — проговорилъ Ильичъ. — Вотъ то такъ дѣло...

— Ай!.. — жалко вскрикнулъ Анатолій Ивановичъ, и леса бесильно повисла вдругъ на удильникѣ: щука сорвалась...



Анатолий Иванович чуть не заплакал от досады. Ребятишки и радовались в глубинѣ души его неудачѣ, и досадно имъ было до слезъ, что Глиста занялъ ихъ любимое мѣсто, гдѣ клюетъ такая рыба... Но дѣлать было нечего, надо было уходить прочь...

— А ты замѣтилъ, онъ вываживать рыбу совсѣмъ не умѣетъ... — заявилъ Костя, когда они отошли подалеже. — Тянетъ ее, какъ полѣно... Никогда, смотри, такъ не дѣлай: сперва дай рыбѣ утомиться хорошенько, а потомъ ужъ и тащи...

— Знаю, знаю... — нетерпѣливо отозвался Лева, который терпѣть не могъ, когда Костя начиналъ вдругъ поучать его: слава Богу, и самъ рыболовъ...

— Знаю, знаю, а, глядишь, удилище и сломалъ... — замѣтилъ Костя.

Настроение ребятишекъ было рѣшительно испорчено.

Попробовали они закинуть свои удочки сейчасъ же пониже плотины, но крючокъ Кости тотчасъ же зацѣпился за старую сваю и отломился, и надо было мѣнять его. Перешли еще пониже, — опять ничего. И узко, и мелко, и ничего не выходитъ.

— Пойдемъ лучше домой... — сумрачно сказалъ Костя. — А завтра займемъ то мѣсто съ утра...

— А онъ придетъ и прогонитъ...

— Ну, это дудки съ макомъ... Здѣсь я ему не гимназистъ, а такой же рыболовъ, какъ и онъ. Онъ самъ сказалъ: кто первый пришелъ...

— Ты рыболовъ, а онъ инспекторъ... — возразилъ Лева изъ духа противорѣчія.

— А наплевать!.. Инспекторъ, а выводить рыбы не умѣетъ... Хорошо инспекторъ!..

— Не умѣетъ, а все-таки прогонитъ...

— Анъ не прогонитъ! Папа предсѣдатель уѣздной управы...

— А онъ инспекторъ... И прогонитъ...

— Анъ не прогонитъ!..

— Ну, пойдѣ и цѣлуйся съ твоимъ инспекторомъ, а меня оставь въ покоѣ...

На самой плотинѣ, гдѣ такъ дремотно шумѣла вода со шлюзовъ, мальчики встрѣтили Ильича, который, шаркая старыми ногами и, по обыкновенію почесываясь, шелъ домой.

— А гдѣ же Анатолий Ивановичъ? — спросилъ Костя, оживляясь.

— Онъ ушелъ повыше попробовать... Не клеится у него тутъ что-то. А вамъ, — засмѣялся старикъ, — на его мѣсто садиться не велѣлъ: я, говоритъ, только попробую въ другомъ мѣстѣ, а потомъ опять сюда вернуться...

Ребята, осѣненные вдругъ одной и тою же мыслью, посмотрѣли одинъ на другого. Потомъ, оставивъ старика, они быстро переправились плотиною на другой берегъ рѣки и частымъ осинникомъ пробрались выше, туда, гдѣ на противоположномъ берегу одиноко стоялъ аккуратненькій складной стульчикъ Глисты.

— Ты, — прошепталъ Костя, — пооди вонъ на тотъ бугоръ сторожить, не идетъ ли Глиста, а я закину... А потомъ караулить пойду я, а ты будешь ловить... Хорошо? — Хорошо...

— И Лева, бросивъ свои снасти, уже карабкается на крутой берегъ и, выбравшись на вершину бугра, ложится на животъ и осторожно,

какъ это сдѣлалъ бы настоящій индѣецъ, высовываетъ голову изъ травы — Глиста виденъ вдали, тонкій и длинный, какъ цапля, на излучинѣ рѣки. Лева успокоительно сигнализировалъ Костѣ, и тотъ съ бьющимся сердцемъ, ловкимъ движеніемъ закинулъ сперва двѣ жерлицы, а потомъ свою любимую донную съ катушкой и замаскировалъ удильники въ густомъ камышѣ. Посидѣвъ съ четверть часа, онъ полѣзъ на холмикъ, а Лева быстро спустился внизъ и лихорадочно сталъ разбирать свои снасти.

Костя двоился: съ одной стороны, надо было внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ врага, съ другой — ему все казалось, что Лева все дѣлаетъ не такъ, и это было непереносимо. И вдругъ удилице его донной нѣсколько разъ хлестнуло по водѣ такъ сильно, что Лева даже присѣлъ отъ неожиданности и безпомощно оглянулся на Костю, призывая его къ себѣ на помощь. Но этого и не нужно было: Костя, забывъ о всѣхъ инспекторахъ на свѣтѣ, уже летѣлъ внизъ, схватилъ за удильникъ и сразу же почувствовалъ, что на крючкѣ что-то очень большое. Онъ далъ рыбѣ ходу, потомъ потянулъ слегка, — и на тихую гладь рѣки въ бѣшенствѣ вылетѣла вдругъ большая щука, тяжело шлепнулась опять о воду и ушла внизъ и пошла тамъ ходить, сильно натягивая лесу. Костя, весь въ горячемъ поту отъ волненія, не видалъ и не слышалъ ничего. Онъ то давалъ ей ходу, то снова подбиралъ осторожно лесу на катушку, то опять отпускалъ.

— Батюшки, Глиста!.. — въ ужасѣ пролепеталъ вдругъ Лева.

Дѣйствительно, съ кручи того берега спускался къ своему стульчику Анатолій Ивановичъ.

Упустить такую добычу было совершенно немислимо, но точно такъ же совершенно немислимо было войти въ открытый конфликтъ съ Глистой. На ихъ счастье, щука уже притомилась и, отдыхая, затаилась на днѣ. Оба мальчика пали на землю и замерли за густымъ кустомъ ивняка.

— Ну, что, какъ, вашескородіе? — долетѣлъ до мальчиковъ старческий голосъ Ильича. — Клюеть-ли?

— Нѣтъ, не клюеть что-то... Хочу домой собираться... — сказала Анатолій Ивановичъ. — Надоѣло. Да и комары у васъ тутъ. А мальчикамъ ты, смотри, не говори, что я ушелъ домой — скажи, что сейчасъ, молъ, опять придетъ. А то только всю рыбу зря распугаютъ...

— Я ужъ и то прогналъ ихъ... — сказалъ Ильичъ.

— И отлично. Пусть-ка посидятъ за плотиной. Ха-ха-ха...

— Пушай посидятъ... Хе-хе-хе-хе... Ужъ ежели тутъ не беретъ — а здѣсь рыбы депо — такъ ужъ тамъ много не пымаешь... Пушай посидятъ! Хе-хе-хе-хе...

Мальчикамъ было неприятно, что ихъ старый пріятель-мельникъ на сторонѣ Глисты...

Отдохнувъ, щука, къ ужасу мальчиковъ, вдругъ снова потянула лесу и, почувствовавъ острое жало крючка, снова бѣшено рванулась вверхъ, на поверхность, и грузно бултыхнулась въ воду.

— Смотри, не пускай мальчиковъ!.. — крикнулъ съ кручи Анатолій Ивановичъ. — Я завтра приду опять...

— Не пушу, не пушу, родимый, будь покоенъ... — отозвался дѣдъ, а когда шаги инспектора стихли, лукаво подмигнулъ на тотъ берегъ и сказалъ: — Ну, вылѣзайте, ушелъ...

Мальчики вышли изъ засады, Костя потянулъ лесу катушкой, и щука такъ и шарахнулась на водѣ.

— Да никакъ она у тебя сидитъ? — удивился Ильичъ.

— У меня...

— О? Ну, и ловокъ же ты парень!.. Только, мотрай, не упускай, какъ начальникъ-то вашъ...

Началась послѣдняя борьба. Щука, истомленная въ бесполезныхъ усиліяхъ освободиться, металась туда и сюда, выбрасывалась на поверхность и уходила въ глубь, но Костя дѣлалъ свое дѣло, какъ заправскій рыбакъ, и энергія рыбы быстро шла на убыль.

— Приготовь сачокъ!.. — замирая, прошепталъ Костя.

— Готово... готово...

Еще нѣсколько минутъ напряженной борьбы—и выбившаяся изъ силъ щука была въ сачкѣ, на берегу, и начался вкругъ нея торжественный танецъ команчей, и дикіе крики восторга, и прыжки. И перетасили добычу на ту сторону, на то мѣсто, гдѣ только-что стоялъ такой удобный стульчикъ, и Лева тотчасъ же почти выхватилъ крупнаго, фунта на три, окуня, а у Кости къ тому времени, когда солнце опустилось уже къ лѣсистымъ холмамъ, было еще двѣ порядочныхъ щучки.

Пора и домой. Мальчики спрятали свои снасти на мельницѣ, въ самомъ темномъ, въ самомъ недоступномъ углу сѣновала, и, захвативъ добычу, гордые и радостные, потрусили золотыми полями домой.

— А ну, какъ дѣла? Покажите-ка...

Они остановились: у ограды старенькой уршалской церковки стоялъ Анатолій Ивановичъ въ своей широкополой панамѣ и снисходительно смотрѣлъ на нихъ сквозь золотыя пенсне, которое едва держалось на маленькомъ, кругленькомъ, какъ луговичка, носикѣ.

Онъ заглянулъ съ усмѣшкой въ пленку, которую, перегибаясь отъ тяжести и обливаясь потомъ, тащилъ Костя, и — даже ротъ раскрылъ.

— То-есть... позвольте... — пробормоталъ онъ, глядя поочереди то на одного, то на другого. — Это все вы сами?

— Конечно, сами...—съ гордостью отвѣчали оба вперебой.

— И все... ниже мельницы?

Мальчики незамѣтно переглянулись.

— Да, ниже... мельницы...—съ небольшой запинкой произнесъ Костя.

— Это.. это поразительно!.. Пойдите, покажите... Удивительно!..

— А какъ у васъ, Анатолій Ивановичъ? — съ затаеннымъ ехидствомъ спросилъ Лева, поднимая на инспектора свои большіе синіе глаза.

— У меня? — снисходительно повторилъ Анатолій Ивановичъ, рыбацкая гордость котораго была сильно уязвлена. — У меня... гм... тоже ничего себѣ... Такъ ниже мельницы, говорите?

— Ниже мельницы...

Ранымъ - рано поутру мальчики снова были на любимой заводи. Складнаго стульчика тамъ не было. Рѣка дымилась, и надъ темной стѣнной камышей сквозь золотистые туманы вставало огромное красное солнце. Рыба то и дѣло плескалась въ спящей водѣ. Былъ самый клевъ, но любопытство мучило ребятшекъ, и, бросивъ на минутку свои снасти, они отправились на развѣдки за плотину. Но идти далеко не пришлось: изъ-за древней, сѣренькой мельнички, гдѣ среди тяжелыхъ, обвѣшавшихся зеленымъ мохомъ колесъ такъ дремотно въ сіяніи золотого утра шумѣла вода, они увидѣли на отмели знакомую, широкополоую панаму и длинную, сухую, какъ цапля, фигуру Анатолія Ивановича надъ удочками.

— Что, сидитъ? — тихонько спросилъ старенькій Ильичъ, сіяя своей лысиной. — Ну ничего, пушай его посидитъ... Пушай... Хе-хе-хе...





Старого полковника Бориса Ивановича мы знали всѣ, и всѣ очень любили. Это былъ крѣпкій старикъ, суровый на видъ, но добрѣйшей души. Высокій, слегка хромающій на дважды прострѣленную ногу, съ глубокимъ шрамомъ на головѣ, — онъ выглядѣлъ въ своемъ потертомъ штатскомъ пиджакѣ, какъ настоящій воинъ. Тѣ, кто знали его ближе, говорили, что это былъ человекъ огромнаго личнаго мужества, безстрашный солдатъ, храбрый и исполнительный, но скромный, никогда не выдвигавшійся впередъ. Типъ боевого офицера, который дѣлаешь, но не говоришь, и о которомъ не говорятъ. Миѣ передавали, что на тѣлѣ его было восемь пулевыхъ ранъ, гдѣ-то въ груди осталась невынутая шрапнель, а на головѣ красовался большой рубецъ отъ удара венгерской сабли, едва не раскрившей ему черепъ.

Онъ не любилъ рассказывать о своихъ военныхъ подвигахъ. Но однажды вечеромъ мы сильно пристали къ нему съ просьбою рассказать намъ хотя бы о первой войнѣ, въ которой онъ участвовалъ. А онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, которыя Россія вела за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Онъ долго отнѣкивался, но, наконецъ, вдругъ согласился. Но при этомъ онъ какъ-то очень лукаво посмотрѣлъ на насъ, точно готовился ловко провести всѣхъ насъ. И проведъ.

Вотъ что онъ тогда рассказалъ намъ:

— Первая война, въ которой я принималъ личное участіе, относится еще ко временамъ моего дѣтства. Мы жили тогда на берегу Волги въ маленькомъ городкѣ, потонув-

шемъ въ фруктовыхъ садахъ, и сады эти на окраинахъ незамѣтно смыкались уже съ садами и огородами пригородныхъ сель.

Мой отецъ въ саду своемъ всѣчески оберегалъ пѣвчихъ птицъ. Онъ говорилъ, что это лучше друзья и защитники его фруктовъ, и мы съ раняго дѣтства привыкли и любить, и беречь птицъ. Всю зиму, бывало, мастерили мы домики для скворцовъ, а ранней весною разставляли ихъ около дома и въ разныхъ мѣстахъ сада. И какъ же мы радовались, когда, наконецъ, весною вдругъ являлись къ намъ эти веселыя, болтливыя, вѣчно хлопотливыя птички. Сколько смѣху было, когда онѣ ссорились между собой изъ-за гнѣздъ, или когда выгоняли изъ своихъ домиковъ непрошено забравшагося туда воробья. Съ особенною любовью еще берегли мы ласточекъ, соловьевъ, малиновокъ и синицъ. Кошкамъ у насъ входъ въ садъ былъ запрещенъ. Ихъ изгоняли старательно.

Зато какъ же по веснѣ распѣвали у насъ дрозды, соловьи по ночамъ, раннимъ утромъ — звонкія малиновки! Да и сами скворцы, — развѣ они поютъ не очаровательно, сидя гдѣ-нибудь на вершинѣ дерева, на голый вѣткѣ, и поднявъ свой острый клювъ къ голубому весеннему небу! И не перечтешь, сколько чудныхъ воспоминаній связаю у меня съ этими птицами.

Но вотъ поступили мы въ гимназію. Зимой были другіе интересы, а весною вдругъ оказалось, что у нашихъ сосѣдей и даже у насъ, въ нашихъ садахъ, ребятишки сосѣднихъ сель стали ловить птицъ и обирать изъ гнѣздъ яички. Мы воз-

мутились. Произошло нѣсколько стычекъ съ птицеловами. Разъ мы прогнали ихъ со срамомъ. Разъ они побили кого-то изъ насъ. И вотъ тогда мы образовали союзъ защиты птицъ, и началась война.

Къ намъ примкнулъ кое-кто изъ сосѣдней дѣтвора, и образовалась партія человекъ въ восемь. Но мы называли себя не обществомъ, не союзомъ, не отрядомъ, а „войскомъ“. Братъ мой былъ главнокомандующимъ, потому что былъ старше и сильнѣе всѣхъ насъ и уже перешелъ въ четвертый классъ гимназіи. Двое изъ насъ были генералами, всѣ остальные — полковниками. Но когда нужно было — всѣ мы обращались въ легкую кавалерію, или въ лихую пѣхоту и работали, какъ полагается честному солдату, сражались всѣ наравнѣ, безъ чиновъ.

Если чины наши и были вымышленными, то враги наши отнюдь не были воображаемыми существами. Это были живые и, надо имъ отдать полную справедливость, — сильные и ловкіе ребяташки сосѣднихъ селъ. Они ходили по яйца, кажется, главнымъ образомъ, чтобы изъ нихъ жарить себѣ яичницу. Намъ это казалось отвратительнымъ и преступнымъ. А птицъ они ловили силками и ловушками на продажу въ городъ. Что это такой же промыселъ, какъ и всякій другой, — мы и слышать не хотѣли и считали это гадкимъ дѣломъ, а ихъ — злыми. И война началась.

Мы мѣшали имъ всячески. Мы выпускали птицъ, попавшихъ въ ихъ ловушки, отпугивали птицъ, портили и рвали ихъ сѣти, ломали западни! Они, въ свою очередь, защищали свои снасти, всячески отбивались отъ нашихъ набѣговъ и немилосердно колотили насъ чѣмъ попало. О, это была война болѣе ужасная, чѣмъ ее описываетъ Майнъ-Ридъ, Куперъ и Бусенаръ!

Мы подкарауливали ихъ по утрамъ, когда они еще до восхода солнца шли разставлять силки. Но они имѣли своихъ сторожей, лазутчиковъ, свои боевые отряды.



Помню я разъ, мы вдвоемъ съ генераломъ Кутузовымъ (такъ звали у насъ Колю изъ второго класса) отправились подстергать враговъ и залегли въ кустахъ орѣшника за маленькой рѣчкой. Солнце только-только еще выходило, трава была мокрая отъ росы. Намъ не долго пришлось ждать. Вотъ идутъ четверо „ихъ“. Броситься на нихъ — невозможно. Мы стали слѣдить и выжидать. „Они“ приблизились, прошли мимо насъ шагахъ въ пятнадцать и расположились гдѣ-то невдалекѣ ниже по теченію рѣчки. Но намъ не было видно. Осторожно стали мы перебираться вдоль рѣчки, и вдругъ изъ-за одного куста неожиданно на насъ бросилось два „врага“. Оказалось, что въ то время, какъ мы выслѣживали ихъ отрядъ, „они“ слѣдили за нами и напали на насъ.

Бой начался и былъ для насъ мало удаченъ. Меня почти сразу сбили съ ногъ. Кутузовъ отчаянно отбивался, но не могъ справиться съ насѣдавшимъ на него мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Мы испустили призывные крики и свистки. Кличъ опасности и бѣды! Но прежде, чѣмъ насъ услышали „свои“, прибѣжало еще трое враговъ, и тогда наше положеніе стало совсѣмъ плохо. Отступить (точнѣе сказать — просто удрать) намъ нельзя было, не пустили насъ, а бороться было уже совсѣмъ не подъ силу. Насъ

Просто избивали, били кто чѣмъ могъ и какъ хотѣлъ.

Мы погибали и уже считали себя безславно погибшими героями, когда вдругъ, какъ буря, налетѣло наше „войско“ подъ предводительствомъ самого главнокомандующаго. Братья съ четырьмя „нашими“, какъ неистовые, набросились на „враговъ“. Тутъ пошли уже въ ходъ не только кулаки, но и палки, и удары посыпались безъ сожалѣнія.

Теперь мы были значительно сильнѣе, и непріатели рѣшили спастись бѣгствомъ. Но я въ пылу битвы ни за что не хотѣлъ отпустить того „врага“, который первый сбиль меня съ ногъ и отъ котораго мнѣ досталось больше всего. Я ухватился за него руками, ногами и даже зубами вцѣпился въ воротникъ его рубашки. Онъ основательно тузилъ меня, чтобы избавиться, но я все равно былъ уже достаточно обработанъ и рѣшилъ не пускать. Я былъ тогда вродѣ бѣсноватаго. Его товарищи не выдержали нашего натиска и бросились бѣжать, а моего противника наши отцѣпили отъ меня, и мы съ торжествомъ повели его „въ плѣнъ“.

Я былъ за этотъ славный бой произведенъ въ генералы. Но это производство стоило мнѣ такъ дорого и обошлось мнѣ такъ больно, что я потомъ уже никогда больше не стремился стать генераломъ.

Наша война длилась довольно долго, больше мѣсяца, и шла съ переменнымъ успѣхомъ. Намъ не рѣдко плохо приходилось въ открытомъ бою, но и „враги“ наши не имѣли отъ насъ никакого покоя и никакой возможности ловить птицъ. А слѣдовательно, цѣль наша была достигнута. Но и это, быть можетъ, было главнымъ, — постепенно къ намъ присоединялись другіе мальчики, и нашъ союзъ покровительства птицъ разрастался. Къ сожалѣнію нашему, росли и силы враговъ.

О нашей „войнѣ“ стали говорить и на селѣ, и въ городѣ. Взрослымъ наши постоянныя драки очень не нравились. И побѣдители, и побѣжденные изъ сраженій обычно-

венно возвращались домой рваные, грязные и не безъ увѣчий. Наконецъ произошло одно очень крупное, генеральное сраженіе, послѣ котораго у насъ уже не осталось больше ни одного полковника (всѣ были произведены за отличія въ генералы) и въ которомъ сильно пострадали обѣ стороны. Было нѣсколько подбитыхъ глазъ, гдѣ-то на полѣ брани осталось два зуба, одному сломали палецъ, кому-то въ кровь разбили голову, а множество синяковъ и ссадинъ такъ и осталось неподсчитаннымъ. И тогда въ дѣло вмѣшался отецъ.

Онъ потребовалъ мира и взялъ на себя веденіе мирныхъ переговоровъ. Раза три отецъ ходилъ въ сосѣднія села совѣтоваться со школьными учителями, священникомъ и даже со старымъ пасѣчникомъ. Въ одно воскресенье мы всѣ, все наше „войско“, были приглашены собраться. Когда мы собрались, отецъ повелъ насъ въ одинъ пограничный садъ, гдѣ на лужайкѣ, подъ двумя огромными липами, оказались налицо всѣ наши „враги“, два учителя разныхъ сельскихъ школъ, священникъ и нѣсколько почтенныхъ стариковъ-крестьянъ.

Отецъ сказалъ маленькую рѣчь, и начались мирные переговоры. Сначала и мы, и они были настроены очень воинственно и неговорчиво. Перечислялись взаимныя обиды, коварныя засады, непозволительные удары, поломки капкановъ, порванныя сѣти и т. д. Оказалось, что обѣ стороны грѣшны. Но мы твердо стояли на томъ, что пѣвчихъ птицъ въ обиду не дадимъ. Они же говорили, что имъ за птицъ въ городѣ и на пристани платятъ деньги, и что они не считаютъ насъ вправѣ мѣшать имъ. Споры разгорѣлись, и не будь между нами отца, учителей и другихъ старшихъ — третейскихъ судей, дѣло навѣрное кончилось бы новою потасовкою. Отцу и священнику, котораго всѣ очень уважали и любили, стоило большихъ трудовъ помирить насъ. Дипломаты послѣ долгихъ споровъ предложили, наконецъ, такое рѣшеніе, на кото-

ромъ согласились всѣ: Статья первая — миръ. Больше не драться. Статья вторая: они обязываются не разорять птичьихъ гнѣздъ, не брать изъ нихъ яицъ и не ловить птицъ въ нашихъ фруктовыхъ садахъ. Статья третья: мы обязуемся не препятствовать имъ ловить птицъ внѣ нашихъ садовъ.

Этотъ миръ весело отпраздновали. Отецъ пригласилъ всѣхъ, кто былъ на судѣ, къ себѣ въ садъ. Тамъ для всѣхъ было приготовлено угощеніе. Было необычно, но весело и хорошо. И условія этого мира обѣ стороны хранили твердо и честно. Но мы и тогда, и потомъ

считали себя побѣдителями.

Нашъ союзъ защиты птицъ продолжалъ существовать и развивался. За нимъ упрочилось право своего рода надзора, контроля за птицеловами, а сами члены союза тщательно берегли птичьи гнѣзда отъ всякихъ двуногихъ, четвероногихъ и крылатыхъ враговъ. Кроме того, почти всѣ фруктовые сады со временемъ были объявлены запретными для ловли птицъ. Такъ кончилась эта война. Къ сожалѣнію, въ другихъ пяти войнахъ я не всегда имѣлъ такой успѣхъ. Впрочемъ, я уже говорилъ, что я такъ и не сталъ генераломъ.



За древнимъ кладомъ.

Разсказъ Л. Кормчаго.

I.

Экстра вылѣзъ изъ дому черезъ открытое окно и окунулся въ непроницаемую темень ночи. На небѣ, окутанномъ тяжелыми мохнатыми тучами, не было ни проблеска свѣта; за поляной, гдѣ были дома, скрытые темнотой, тоже не виднѣлось огней: городокъ спалъ.

Экстра нащупалъ лопату и ломъ, припрятанные заранѣе въ травѣ подъ окномъ, перебросилъ ихъ черезъ изгородь и самъ съ ловкостью акробата послѣдовалъ за ними.

Впереди возвышалась тяжелая темная громада Замковой горы. На ней чернѣли изломы старыхъ стѣнъ — глыбы камня, изъѣденнаго временемъ. Экстра окинулъ ихъ взглядомъ и почувствовалъ легкую жуть:

непривѣтливы и грозны были руины стараго замка.

— Вдвоемъ ничего, не будетъ страшно, — вслухъ подумалъ Экстра. — Пойти, что-ли, навстрѣчу Филю?

Онъ взвалилъ на плечо ломъ и лопату, какъ дѣлаютъ это рабочіе, и пошелъ по тропинкѣ возлѣ дома къ Садовой улицѣ, сбѣгавшей саженяхъ въ 20 отъ него къ рѣчкѣ.

Черная громада горы и руины на ней высились справа; изломы стѣнъ точно скалились сверху на мальчика. Экстра шелъ и нѣтъ-нѣтъ, да и поглядывалъ вверхъ на стѣны, ощущая легкой трепетъ передъ ними. Никогда раньше ничего подобнаго не было; сотни разъ и днемъ, и ночью проходилъ

онъ у подошвы горы и ничего... А сегодня было жутко. Можетъ быть потому, что ночь выдалась особенно темная, а можетъ быть и потому, что прогулка Экстры была въ таинственной связи съ древними руинами Замковой горы.

Третьяго дня Экстра нашелъ дыру возлѣ главной стѣны развалинъ. До сихъ поръ всѣ, и Экстра въ томъ числѣ, думали, что это — яма, заваленная осколками кирпичей. Экстра случайно раскопалъ кучу мусора и увидѣлъ подъ нимъ темное отверстіе. Сунулъ палку въ отверстіе — глубоко ушла подъ землю и стукнулась обо что-то металлическое. И тогда осѣнило Экстру:

„Входъ въ подземелье!“

Отъ волненія онъ выронилъ палку, и она исчезла въ отверстіи. Нѣсколько секундъ слышался дребезжащій звукъ, точно палка прыгала вглубь по желѣзнымъ ступенямъ. Потомъ все стихло.

Экстра поднялся съ кучи мусора блѣдный отъ возбужденія. Всѣ преданія и легенды, сложившіяся вокругъ развалинъ, воскресли въ памяти.

— Это подземелье Розамунды, — рѣшилъ мальчикъ. — Въ эту самую дыру убѣжала она, спасаясь отъ нѣмецкаго барона, и унесла сокровища — золотой ящикъ, полный брилліантовъ.

Заложивъ дыру наскоро осколками кирпичей, Экстра отправился на Плекшинскую улицу къ закадычному другу и однокласснику — Филю. Потомъ они вмѣстѣ освидѣтельствовали находку Экстры, и Филь подтвердилъ догадку друга. Когда они разобрали мусоръ, прикрывавшій отверстіе, изъ темной дыры дохнуло на нихъ холодкомъ древней тайны. Вмѣстѣ съ этимъ холодкомъ въ душу проникла и жажда отыскать золотой ящикъ Розамунды.

— Говорятъ, подземелье идетъ до самаго Люцина, — задумчиво проговорилъ Экстра. — Хорошо, если Розамунда не ушла слишкомъ далеко.

— Дойдемъ и до Люцина! — рѣшительно сказалъ Филь. — Подумай только: тамъ на 60 миллионъ всякаго добра! Только нужно забрать побольше свѣчекъ и провизіи.

Друзья два дня вырабатывали планъ похода за древнимъ кладомъ. Экстра обязался добыть для этого похода ломъ и лопату изъ сарая отца, Филь — съѣстные припасы изъ кладовой матери и купить свѣчей.

II.

Экстра вышелъ на Садовую улицу. Внизу мутно, какъ свинець, отсвѣчивала рѣчка. Скрипъ колесъ и стукъ лошадиныхъ подковъ донесся съ моста. Чей-то хриплый пьяный голосъ запѣлъ „Курь ту тещу“. Запѣлъ, но оборвалъ на полуфразѣ, и вмѣсто пѣсни раздалась брань по адресу лошади.

Экстра присѣлъ на камень возлѣ дороги.

„Что съ Филемъ“, раздумывалъ онъ: „неужели струсиль?“ и досада закрадывалась въ душу.

„Сосчитаю до ста и вернусь домой. Завтра вмѣсто Филя возьму Спиридовича — онъ съ удовольствіемъ пойдетъ“.

И Экстра началъ считать вслухъ:

— Одинъ, два...

Онъ досчиталъ до пятидесяти, когда телѣга съ подвыпившимъ крестьяниномъ поравнялась съ нимъ. Темная фигурка прыгнула съ задка повозки, и Экстра сразу узналъ кто это.

— Филь! — тихо окликнулъ онъ.

— Я! Это ты, Экстра? Давно ждешь? А я ѣхалъ отъ базара съ этимъ вотъ... Все готово у тебя?

Экстра громыхнулъ въ темнотѣ ломомъ и лопатой.

— А у тебя?

Филь хлопнулъ рукой по пакету, который держалъ подъ мышкой.

— Шпекъ, хлѣбъ, огурцы, селедки и свѣчи, — кратко перечислилъ онъ. — Думаю, хватить на экспедицію. Идемъ?

— Идемъ.

Настроеніе у Экстры сразу приподнялось. Онъ взглянулъ на развалины замка, но не испыталъ ни-

какой жути: присутствіе друга ободряло его.

Взойти на гору было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Отлогій подъемъ Нижне-Замковой улицы велъ къ „воротамъ“ — двумъ обломкамъ стѣнъ, напоминавшимъ неуклюжія полуобвалившіяся колонны. Мальчики молча прошли между ними.

Входъ въ подземелье, найденный Экстрой, находился возлѣ большой восточной стѣны. Черный массивъ ея съ одинокимъ слѣпымъ отверстиемъ окна, точно мрачный памятникъ прошлаго, высился надъ грудями кирпичей и остатками фундамента...

Тишина и мракъ, среди котораго чернѣли остатки замка, дѣйствовали подавляюще. Ночью руины имѣли что-то общее съ кладбищемъ, и Филь съ Экстрой брели среди нихъ, не рѣшаясь разговаривать: точно звукъ голосовъ могъ пробудить здѣсь что-то жуткое, скрывшееся въ старыхъ обомшѣлыхъ обломкахъ.

Наконецъ дошли. Филь споткнулся о кучу мусора.

— Кажется здѣсь, — шопотомъ сказалъ онъ.

— Здѣсь, — тоже шопотомъ отвѣтилъ Экстра.

Онъ сѣлъ на обломки кирпичей, завалившихъ завѣтное отверстие. Филь опустился рядомъ съ нимъ.

Тишина была полная. Съ горы виденъ былъ городъ: двѣ башни костела черными силуэтами рисовались на фонѣ тучъ. Очертанія домовъ поглотилъ мракъ. Гдѣ-то за рѣкой свѣтился огонекъ въ окнѣ, одинокій и тоскливый въ кромѣшной тѣмѣ.

— Ну, что-же, начнемъ, — нарушилъ молчаніе Филь.

На горѣ не было ни души, но все-же друзья принялись за работу, соблюдая величайшую осторожность. Разгребали руками осколки кирпича и окаменѣлаго цемента.

Работа разсѣивала чувство жути и увлекала. Съ каждымъ отброшеннымъ въ сторону кускомъ кирпича таинственное отверстие расширялось. Вмѣстѣ съ этимъ росло и возбужденіе кладоискателей.

— Ну, теперь уже можно про-

лѣзть, — замѣтилъ Филь. — Надо только освѣтить дыру.

Онъ чиркнулъ спичку и зажегъ свѣчу, предусмотрительно опустивъ ее, насколько позволяли руки, въ раскопанное отверстие. Красноватое пламя вырвало изъ мрака темную дыру, и оба мальчика впились въ нее жадными взорами.

Сердце Экстры усиленно забилося: онъ ясно разобралъ ступени винтовой лѣстницы, ухидившей въ глубину.

— Филь, это и есть входъ въ подземелье! — торжественно проговорилъ онъ. — Теперь сокровища Розамунды наши!

III.

Экстра первымъ полѣзъ въ отверстие. Спускъ былъ крайне неудобный. Ступени, засыпанныя обломками кирпичей, казалось, норовили ускользнуть изъ-подъ ногъ. Экстра одной рукой держалъ свѣчу, а другой цѣплялся за скользкій, изъѣденный ржавчиной столбикъ, поддерживавшій ступени. Филь слѣдовалъ за нимъ. Лопата, ломъ, а также и кулекъ Филья были оставлены пока наверху.

Осколки камней срывались изъ-подъ ногъ и катились внизъ. Глухой, слегка зловѣщій, гулъ долеталъ при этомъ изъ глубины. Слышно было, какъ камни, простучавъ по ступенямъ, падали на что-то мягкое, поглощавшее звукъ.

Ниже ступени были свободны отъ камней, но ихъ покрывала какая-то слизь. Сапоги скользили, и каждое невѣрное движеніе грозило паденіемъ. Экстра медленно опускался, нащупывая ногой каждую ступеньку.

Застоявшійся, затхлый воздухъ съ каждымъ поворотомъ лѣстницы дѣлался зловоннѣе и гуще. Точно въ глубинѣ подземелья было болото, разворошенное палками собирателей болотнаго газа.

— Кажется, лѣстницѣ не будетъ конца, — съ безпокойствомъ проговорилъ Филь. — Я уже насчиталъ 20 ступеней.

Экстра не отвѣтилъ. Онъ остановился за поворотомъ и протянулъ впередъ свѣчу.

Лѣстница кончалась, но подъ ней было что-то жидкое, отражавшее пламя свѣчи.

— Тутъ, кажется, вода, — замѣтилъ Экстра.

Филь опустился къ нему. Оба остановились на послѣдней ступенькѣ, не рѣшаясь идти дальше.

— Можеть быть, тутъ глубоко, — нерѣшительно произнесъ Экстра.

Филь, держась за друга, окунулъ ногу въ жидкость. Это была жидкая грязь, и она всего до щиколотки покрыла сапогъ Филья.

— Внизу твердо, каменный полъ, — замѣтилъ онъ и опустилъ вторую ногу въ грязь. — Идемъ...

Они очутились въ низкой сводчатой комнатѣ. Стѣны и потолокъ ея скрывались подъ густымъ слоемъ плѣсени и паутины, свисавшей мѣстами на подобіе сталактитовъ.

Мальчики съ любопытствомъ озирали стѣны, но въ нихъ не было ничего таинственнаго и замѣчательнаго. Въ глазахъ Филья мелькнуло разочарованіе.

— Это комната, а не подземелье, — произнесъ онъ. — И ничего страшнаго тутъ нѣтъ.

Глаза Экстры замѣтили какое-то углубленіе въ стѣнѣ. Онъ дернулъ за рукавъ друга.

— Смотри-ка, тамъ коридоръ!

И сразу стало жутко, точно холодокъ мрака обвѣялъ ихъ души изъ нѣдръ земли.

Нерѣшительно двинулись къ углубленію. Филь поскользнулся и уронилъ свѣчу. Падая, онъ ухватился за Экстру и увлекъ его за собой. Оба упали въ липкую вонючую грязь и потеряли свѣчи.

— Экстра, гдѣ ты? — окликнулъ пріятеля Филь, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

— Тутъ, — раздалось рядомъ, и рука Экстры опустилась на плечо Филья. — Зажги скорѣй спичку.

Филь пошарилъ по карманамъ.

— Я ихъ забылъ наверху, Экстра. Не уйти-ли намъ отсюда?

Экстра ничего не возразилъ.

— А гдѣ лѣстница? — только спросилъ онъ.

— Тутъ, въ двухъ шагахъ.

Держась другъ за друга, клудо-

искатели осторожно пошли по скользкому полу. Сапоги ихъ хлюпали по грязи, и это было единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину подземелья.

Пройдя нѣсколько шаговъ, мальчики уперлись въ стѣну.

— Не здѣсь, — замѣтилъ Экстра. — Надо взять правѣе.

Но правѣе тоже оказалась стѣна. Они пошли въ противоположную сторону и опять наткнулись на стѣну. Лѣстница точно сквозь землю провалилась.

— Боже мой, гдѣ же она? — вырвалось у Филья.

Въ тонѣ голоса друга Экстра услышалъ страхъ и ему самому стало страшно. Мрачныя легенды о призракахъ замка прошли въ памяти и наполнили холодомъ душу. „А что, если лѣстница заколдованная и пропала совсѣмъ, заманивъ ихъ въ ловушку?“

Онъ не рѣшился подѣлиться этой мыслью съ другомъ, а молча потянулъ его за собой. Нѣсколько шаговъ, — и вытянутая рука его снова коснулась холодной липкой стѣны.

— Опять стѣна! Что же мы будемъ дѣлать, Филь?

Филь стиснулъ зубы и въ свою очередь повлекъ друга. Такъ они метались изъ угла въ уголь, тычась въ стѣны, точно слѣпые, пока не выбились изъ силъ и не пришли въ полное отчаяніе.

— Неужели мы всю жизнь не выйдемъ отсюда? — съ отчаяніемъ спросилъ Экстра. — Дернуло же тебя упасть!

— Не нарочно я, — отвѣтилъ Филь. — Господи! Хоть бы на минутку огня.

— Что же намъ дѣлать? — спросилъ Экстра.

— Пойдемъ теперъ вдоль стѣнъ. Обойдемъ вокругъ и наткнемся на лѣстницу.

Экстра удивился, какъ эта простая мысль не пришла имъ въ голову раньше. Мракъ отчаянія, сгустившійся на душѣ, освѣтила надежда.

— Идемъ! Какіе мы глупые! — оживляясь воскликнулъ онъ.

Они пошли вдоль стѣнъ, погру-

жая ладони въ противную слизь, покрывавшую камни.

Филь шель впереди. Вдругъ онъ споткнулся о какой-то выступъ.

— Стой, Экстра, тутъ что-то вродѣ коридора, — нащупывая нишу, замѣтилъ онъ. — Пощупаемъ.

Онъ поднялъ ногу на выступъ. Подъ сапогомъ захрустѣло что-то, точно крупный гравій.

— Здѣсь совсѣмъ сухо, — озадаченно вымолвилъ Филь. — Куда мы это попали?

Экстра поднялся къ нему. Подъ ногами дѣйствительно не было грязи, а хрустѣло что-то, рассыпаясь подъ каблуками, точно сырая известка.

— Это только ниша, — ощупалъ Филь углубленіе въ стѣнѣ. — Вотъ тутъ какое-то кольцо. Можетъ быть, двери?

Но Экстру мало интересовали двери. Онъ вспомнилъ, что захватилъ изъ дому коробку со спичками, и съ лихорадочной поспѣшностью разыскивалъ ее по карманамъ.

Спички нашлись, но оказались подмоченными. Экстра чиркалъ ихъ одну за другой, и только зеленоватые полоски вспыхивали на коробкѣ. Спички не зажигались.

— Подмокли? — уныло спросилъ Филь.

— Да. Вотъ послѣдняя.

Чудо! Слабо зашипѣла и вспыхнула спичка. Трепетный огонекъ раздвинулъ мракъ, и среди колышущихся тѣней, побѣжавшихъ по сводамъ, мальчики увидѣли лѣстницу.

Она была въ нѣсколькихъ шагахъhalbво.

— А это что?

Экстра направилъ свѣтъ спички туда, куда указалъ пріятель, — въ глубину ниши, и оба застыли на мгновеніе, скованные ужасомъ: груда истлѣвшихъ человѣческихъ костей была у нихъ подъ ногами. Сверху лежалъ черепъ, уставивъ на мальчиковъ черныя отверстія глазницъ.

Струя холода пробѣжала по спинамъ кладоискателей. Спичка погасла, обжегши пальцы Экстры.

— Бѣжимъ отсюда, — лягнулъ зубами Филь. Онъ рванулся по на-

правленію къ лѣстницѣ, но Экстра вцѣпилъ въ него дрожащими руками.

— Слышишь? — прошепталъ онъ.

Гдѣ-то наверху раздался тихій звенящій звукъ. Онъ повторился и точно запрыгалъ внизъ, приближаясь и становясь все яснѣе и отчетливѣе... Его достигъ другой такой-же звукъ, и оба катились, пока не заглохли гдѣ-то поблизости отъ мальчиковъ.

Друзья были ни живы, ни мертвы отъ ужаса.

— Неужели призраки? — шепнулъ Экстра. Шепнулъ, а услужливое воображеніе готово было подшутить надъ нимъ: что-то бѣлое померещилось ему въ кромѣшномъ мракѣ подземелья.

— Ради Бога бѣжимъ! Я не могу больше! — крикнулъ Филь.

И, держась другъ за друга, мальчики помчались къ тому углу, гдѣ была лѣстница.

Тотъ же странный звукъ встрѣтилъ ихъ возлѣ лѣстницы... Что-то прыгало по ступенямъ и, скатившись внизъ, ударило Филью по ногѣ.

— Камни осыпаются по лѣстницѣ! — догадался Филь. — Идемъ скорѣе!

Толкаясь и суетясь, боясь отстать другъ отъ друга, мальчики кинулись наверхъ по ступенямъ.

Осколки кирпичей продолжали сыпаться имъ навстрѣчу, и каменный дождь усиливался по мѣрѣ того, какъ они поднимались. Довольно увѣсистые осколки иногда больно ударяли по головѣ и по колѣнямъ.

Некогда было раздумывать надъ этимъ явленіемъ. Почти въ паническомъ страхѣ мальчики добрались до конца лѣстницы. Струя свѣжаго воздуха пахнула въ лицо и оживила ихъ.

Отверстіе сильно сузилось наверху, точно куча мусора напирала на него со всѣхъ сторонъ. Филь съ трудомъ пролѣзъ въ дыру и помогъ выбраться Экстрѣ. Мальчики, задыхаясь отъ усталости, выбрались на волю.

И только что они опустились на землю въ трехъ шагахъ отъ злопо-

лучнаго подземелья, какъ куча обломковъ кирпичей пришла въ движеніе и съ грохотомъ засыпала отверстие. Нѣскольکو минутъ слышался глухой гулъ: камни потокомъ неслись по лѣстницѣ.

— Что же это? — растерянно спросилъ Филь, прислушиваясь къ гулу. — Вѣдь могло засыпать и насъ...

Экстра не отвѣтилъ: онъ представилъ себѣ груды камней, сыплющуюся на голову въ подземельи, похожемъ на могильный склепъ, и похолодѣлъ отъ ужаса.

А за краемъ города свѣтлѣло небо. Яркая опаловая полоса отодвинула тучи, и блѣдный отсвѣтъ зари разрѣдилъ мракъ на Замковой горѣ.

Экстра полной грудью вдохнулъ воздухъ, отгоняя кошмаръ. И свѣжій, росистый воздухъ утра, вли-

ваясь въ грудь, наполнилъ ее трепетомъ и радостью жизни.

— Ну его къ Богу, кладъ Розамунды! — вырвалось у Экстры. — Лучше и не думать о немъ. Идемъ по домамъ!

И друзья бѣгомъ пустились съ горы.

Насколько извѣстно, это была одна изъ самыхъ послѣднихъ попытокъ найти кладъ Розамунды. Впрочемъ, охотниковъ до этого клада много; и среди жителей Рѣжицы не найдется ни одного, который бы въ дѣтствѣ, или въ зрѣломъ возрастѣ не обыскивалъ Замковую гору въ надеждѣ найти сокровища.

Но гора не выдаетъ ихъ, и до сихъ поръ кладъ Розамунды лежитъ тамъ, куда положила его рука владѣлицы.

Маленькій лоцманъ.

Разсказъ Мо Легангера.

Со стиснутыми зубами и поси-нѣвшими отъ холода руками лежалъ Якимъ на реѣ. Ему было 14 лѣтъ, и онъ дѣлалъ свой первый рейсъ на шкунѣ „Птица“, борющейся съ моремъ въ этотъ бурный вечеръ близъ большого маяка, у входа въ заливъ, въ глубинѣ котораго лежалъ его родной городъ Арендаль. Шкуна шла съ грузомъ лѣса въ Англію; сюда ее загнала буря.

Въ эту ночь была такая нужда въ людяхъ, что юнга Якимъ и поваръ должны были помогать крѣпить паруса. Передвигаться по реѣ было крайне неудобно, къ тому же страшно мѣшали морскіе сапоги, слишкомъ большіе для его маленькихъ ногъ. Снѣжная вьюга била прямо въ лицо, слѣпила глаза...

„Странно“, думалъ мальчикъ: „лежишь тутъ такъ близко отъ дома и качаешься на реѣ съ опасностью для жизни“. Все тѣло болѣло: точно его кололи иглами. Якимъ все еще

боролся съ парусомъ, время отъ времени поглядывая на повара, лежавшаго по другую сторону мачты, также старавшагося сохранить равновѣсіе. Временами, когда шкуну кренило, поваръ исчезалъ съ поля зрѣнія мальчика, но все же было великое утѣшеніе чувствовать, что не одинъ висишь между небомъ и водою.

Якимъ опять задумался о домѣ.

Знали бы они тамъ, мать и маленькіе братья и сестры, — что онъ тутъ, такъ близко отъ нихъ, борется за свою жизнь. Якимъ не былъ трусливъ, но ему еще никогда не приходилось такъ плохо, какъ сегодня. Буря крѣпчала, все вокругъ гудѣло и свистѣло. Вдругъ имъ стало овладѣвать чувство одиночества и пустоты. Шкуну сильно кренило, повара онъ не могъ больше видѣть. Ужасъ охватилъ мальчика.

— Господи, помоги мнѣ вернуться къ матери! — въ отчаяніи вырва-

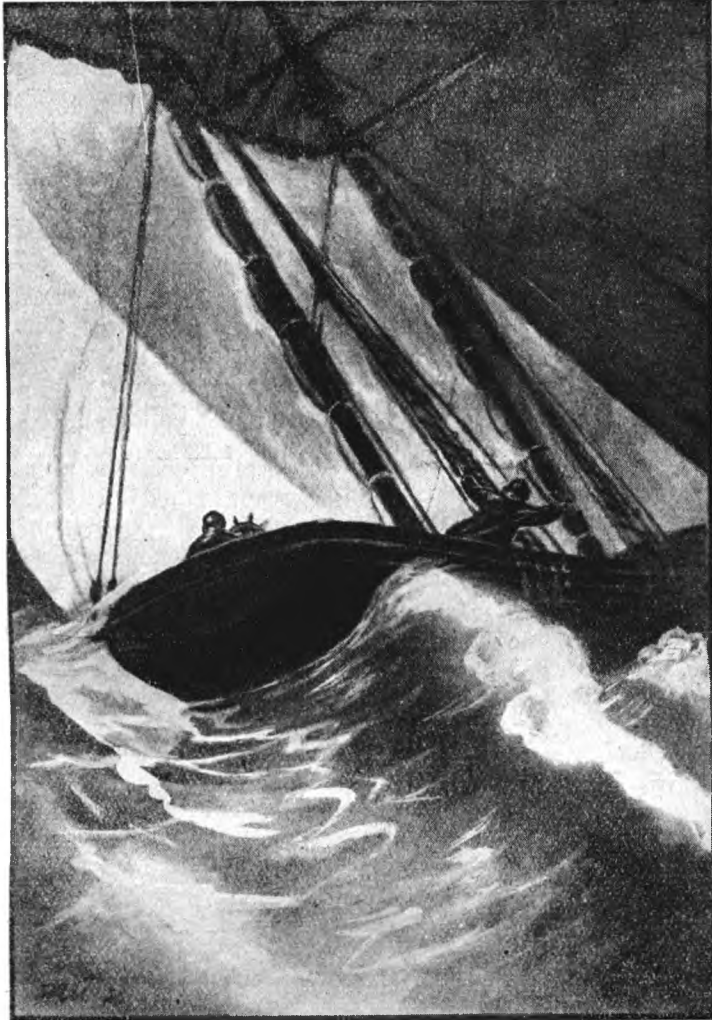
лось у мальчика, и слезы смѣшались со снѣгомъ, таявшимъ на горячихъ дѣтскихъ щекахъ.

Маленькая, бѣдная, но уютная и теплая комнатка матери казалась ему обѣтованною землею. Но мысль о домѣ вскорѣ заставила мальчика

Якимъ онѣмѣлъ отъ ужаса, хотѣлъ крикнуть, но не могъ. Голова кружилась, колѣни дрожали, все тѣло ослабло.

— Господи, помоги!

Внизу на палубѣ раздавалась команда. У капитана была лишь



опомниться: у матери и пятерыхъ маленькихъ братьевъ и сестеръ нѣтъ другого кормильца кромѣ него. Якимъ далеко сплунулъ и забрался верхомъ на парусъ, уже прикрѣпленный къ реѣ. Мать имъ всегда внушала: не надо лгать и не надо трусить. Но, Боже мой, гдѣ же поварь? Рея напротивъ была пуста: море унесло его.

одна забота: держаться подальше отъ берега, на который буря неустанно гнала шкуну. Лоцмана, который проводилъ бы судно въ заливъ, невозможно было достать.

— Никто изъ васъ не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ? — спросилъ капитанъ. Онъ стоялъ у рулевого колеса весь обледенѣлый и былъ похожъ на снѣговика. — Нѣтъ?

Въ это время показался спустившійся съ такелажа Якимъ. Штурманъ остановилъ его:

— Якимъ, вѣдь ты изъ здѣшнихъ мѣстъ?

— Да.

Капитанъ быстрымъ взглядомъ смѣрилъ маленькую коренастую фигуру мальчика и обратился къ штурману:

— Достаньте-ка ему чего-нибудь горячаго!

— Какъ ты думаешь, можешь помочь намъ?

Якимъ глядѣлъ на капитана большими удивленными глазами: онъ ничего не понималъ.

— Подумай, ты бы могъ повидать мать!

Мальчикъ покраснѣлъ. Теперь онъ понялъ.

— Конечно, если капитанъ рѣшится поручить шкуну, то... я знаю тутъ каждый камень, каждый островокъ.

Капитанъ потрепалъ его по плечу.

— Ты, вѣрно, первый четырнадцатилѣтній лоцманъ. Но смотри внимательно. У насъ нѣтъ другого выбора. Начинай съ Богомъ!

Якимъ словно выросъ, нагнулъ голову на бокъ и сталъ внимательно осматриваться. Добродушные синіе дѣтскіе глаза стали мудрыми, какъ у стараго лоцмана.

— По моему, мы должны держать право на борть, — раздалось смущенно и нѣсколько неувѣренно.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что справляется съ положеніемъ, голосъ его крѣпчалъ, и слова падали спокойно и увѣренно.

— Еще право на борть! Вотъ проливъ!

— Мальчикъ, ты думаешь пройдемъ?

— Конечно, „Эвелина“ прошла здѣсь въ позапрошломъ году съ полнымъ грузомъ и сидѣла глубже насъ! Тотъ длинный камень надо обойти подальше. Дальше мель. Думаю, волны пронесутъ насъ... Еще право на борть! Сильнѣе. Наваливай!

Они лѣгли, вздымая волны; вѣтеръ вылъ въ такелажъ и снастяхъ.

Все словно кипѣло вокругъ. Шкуну бросало и кидало. Порывы вѣтра поднимали ее словно узелъ тряпья. Съ трескомъ лопнули тросы, крѣпившіе брамсовый парусъ, и онъ развернулся словно большое темное крыло.

— Руби! руби! — закричалъ капитанъ.

Судно вдругъ задрожало отъ толчковъ точно въ судорогъ.

— Мальчикъ, ты ведешь насъ къ гибели! — поблѣднѣлъ капитанъ.

— О, нѣтъ! — засмѣялся Якимъ. — Сейчасъ мы войдемъ въ тихое мѣсто, тутъ какъ въ материнскомъ сундукѣ... Вотъ... Мы пришли въ Ревесанъ.

На разсвѣтъ къ матери Якима постучали въ окно. Она спала на широкой постели, держа въ каждой рукѣ по ребенку, и снились ей гнѣдья большія лошади, а это къ счастью.

Капитанъ самъ привелъ Якима и рассказалъ о его подвигѣ. Какъ выяснилось, грозившая имъ опасность была еще больше, чѣмъ они думали, такъ какъ шкуна дала течь еще до рѣшенія капитана войти въ гавань.

— Безъ Якима, — сказалъ капитанъ, — мы всѣ лежали бы теперь на днѣ моря.

— Это Богъ спасъ шкуну, — тихо замѣтила мать. Она нѣжно гладила голову сына. — Якимъ былъ лишь орудіемъ Его воли.

Нѣсколько дней спустя „Птица“, насколько возможно, починивъ поврежденія, опять ушла въ море. Но Якимъ остался дома до конца зимы. Объ этомъ, а также и о томъ, что бы ему хорошо жилось, позаботился капитанъ. А со временемъ онъ долженъ былъ поступить въ штурманское училище на средства судовладѣльца.

Когда „Птица“ проходила мимо острова, на которомъ стоялъ Якимъ, окруженный братьями, сестрами и товарищами, она салютовала ему флагомъ и дружнымъ и громкимъ ура! Но этого не выдержалъ маленькій лоцманъ и расплакался.

Перев. Е. Х.

Судъ надъ фараономъ.

Изъ древне-египетской жизни.

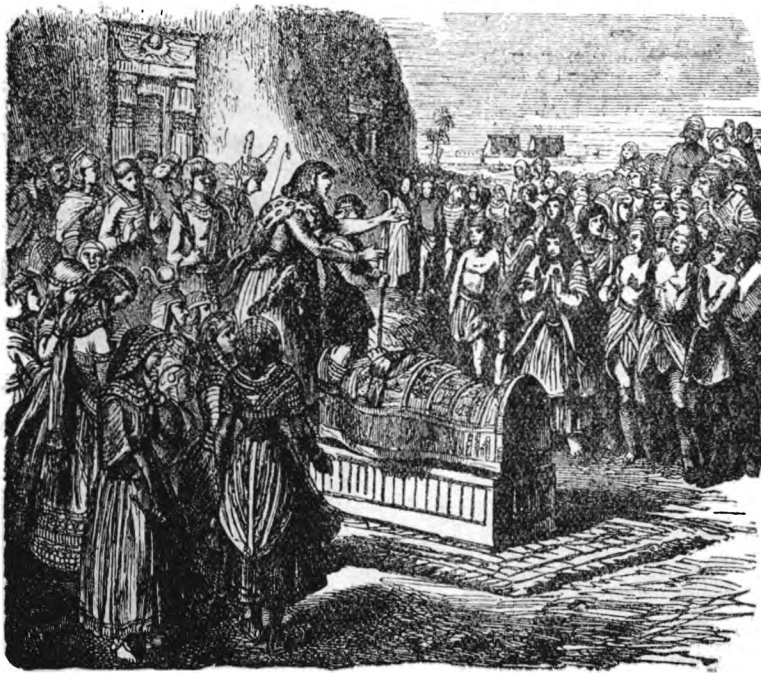
Когда царь Египта, сынъ солнца, умиралъ, вся страна носила трауръ въ теченіе 72 дней — отъ дня его кончины до погребенія, т. е. семь десятидневныхъ недѣль, и дни смерти и погребенія. Въ эти дни прекращалось во всемъ Египтѣ богослуженіе; не приносили жертвъ; не слышно было музыки, и не устраивалось никакихъ празднествъ.

Весь народъ подпоясывался траурнымъ поясомъ; никто не употреблялъ въ пищу мяса, пшеничнаго хлѣба, винограда и не пилъ вина. Съ утра до вечера передъ закрытыми храмами толпились богомольцы, стоя на колѣняхъ и посыпавъ

этотъ семинедѣльный трауръ: семь ужасныхъ, мучительныхъ недѣль для семейства умершаго фараона, такъ какъ впереди предстоялъ еще послѣдній судъ. Трупъ не могъ быть погребенъ прежде, чѣмъ народъ не произведетъ этого суда и не вынесетъ благоприятнаго приговора.

Этотъ обычай былъ весьма мудрымъ. Пока жилъ фараонъ, — онъ лишь самъ отвѣчалъ за свои поступки: никто не могъ жаловаться на него, и никто не могъ оспорить его рѣшенія; что онъ сказалъ, то и исполнялось.

Но наступалъ часъ смерти фа-



Судъ надъ мертвымъ фараономъ въ древнемъ Египтѣ.

головы пепломъ. Когда происходили встрѣчи на улицѣ, то, по обычаю, вмѣсто привѣтствія, слышался вопросъ:

— Ты знаешь - ли уже? Сынъ солнца умеръ!

По всей странѣ продолжался

этого семинедѣльного траура, и тогда рѣшающее слово переходило къ народу; судъ народный былъ страшенъ, потому что здѣсь дѣло шло о самомъ важномъ для всякаго египтянина, а именно о почетномъ погребеніи.

Со всей страны сзывался народъ

для этого суда, и если хоть одинъ могъ доказать, что фараонъ поступилъ съ нимъ несправедливо, то въ почетномъ погребеніи отказывали. Мертвеца нельзя было предать землѣ, и семья брала трупъ къ себѣ домой, при чемъ нельзя было похоронить его даже въ саду. Въ такомъ случаѣ гробъ вставлялся вертикально въ стѣну въ жиломъ покоѣ, въ назиданіе на долгія времена для дѣтей и внуковъ.

И нужно, чтобы обиженный письменно заявилъ, что онъ удовлетворенъ семьей умершаго; только въ такомъ случаѣ приговоръ суда измѣнялся, и почетное погребеніе могло осуществиться.

Семьдесятъ дней траура миновали. Передъ нами гробъ съ царской муміей: всѣ трупы бальзамируются послѣ смерти. Мумія положена въ три гроба, входящихъ одинъ въ другой, и въ гроба вложены идолы боговъ, разныя эмблемы и дорогія украшенія, — все, что окружало фараона при его жизни, и что онъ особенно любилъ.

Тысячами собрался народъ. Процессія съ гробомъ приближается къ мѣсту, гдѣ важно и съ достоинствомъ стоятъ 42 судьи надъ мертвымъ. Всѣ останавливаются, и справа отъ судей помѣщается семья умершаго, а слѣва — народъ.

Мертвая тишина прерывается печальною погребальной пѣснью, которую поютъ жрецы; послѣ пѣнія подходить къ изголовью гроба братъ умершаго и произноситъ надгробное слово, говоря какъ бы отъ имени умершаго:

— Такъ говоритъ царь, покоящійся здѣсь: я любилъ тебя, народъ Египта, и всѣ мои заботы посвящалъ тебѣ. Я только и думалъ о твоемъ благѣ и счастіи. Я воздвигалъ храмы и статуи, пекая о правѣ и справедливости, никого не обманывалъ и не обижалъ. Я не былъ скрягой, жилъ умѣренно, не нарушалъ брака, почиталъ отца и мать. Я былъ послушенъ волѣ боговъ и никогда не уклонялся отъ истины.

Такими словами старался братъ умершаго снять съ покойника вся-

кія обвиненія, и семья фараона съ боязливой внимательностью вглядывалась въ выраженія лицъ окружающей толпы, чтобы подмѣтить, встрѣчаютъ ли сочувствіе такая хвалебная рѣчь въ пользу покойника.

По окончаніи рѣчи этого оратора выступаетъ впередъ предсѣдатель суда надъ мертвымъ и громко заявляетъ:

— Народъ Египта! Это — царь твой, лежащій здѣсь, и онъ проситъ тебя о почетномъ погребеніи.

Затѣмъ главный судья продолжаетъ:

— Кто можетъ обвинить умершаго въ злодѣйствѣ или въ обманѣ, тотъ жалуйся на него. Кто можетъ сказать, что онъ, совершивши неправильный поступокъ, не загладилъ его оказаннымъ добромъ, — выходи и заяви объ этомъ. Здѣсь стоятъ его судьи, которые выслушаютъ жалобу и рѣшатъ дѣло по справедливости. Но кто пожалуется ложно, — пусть вина падетъ на его собственную голову.

Слѣдующія затѣмъ минуты ожиданія — цѣлые годы мукъ для семьи царя. Смертельно блѣдная стоитъ печальная вдова, окруженная дѣтьми. Правда, въ теченіе всѣхъ 70 дней семья старалась разузнать, нѣтъ ли обиженныхъ фараономъ, и улаживала недоразумѣнія, но все же могутъ оказаться невыясненные поступки, и потому съ трепетомъ ожидался отвѣтъ народа на слова судьи.

Черезъ пять минутъ судья повторяетъ вопросъ, а еще черезъ пять — спрашиваетъ въ третій разъ.

И если никто не подалъ голоса, — судьи тихо совѣщаются между собою, и затѣмъ ихъ предсѣдатель громко восклицаетъ:

— Мы держали надъ тобою судъ, фараонъ Египта, и нашли тебя виновнымъ. Я, какъ начальникъ судей, объявляю тебя чистымъ отъ всякаго обвиненія: почетное погребеніе твое состоится. Спи тихо и безмятежно, чистый предъ богами и твоимъ народомъ.

Раздается общее ликованіе, и, по принесеніи жертвы, гробъ торжественно уносится въ приготовленную

усыпальницу, внизу пирамиды, выстроенной для этой цѣли самимъ фараономъ при жизни.

Но не всякому фараону выпадаетъ на долю благоприятный приговоръ. Бывало и такъ, что при первыхъ словахъ брата царя, или члена его фамиліи, произносящаго первую рѣчь, раздаются протестующіе крики и шумъ толпы, недоброжелательной умершимъ.

Бывали въ исторіи Египта случаи, когда народъ не допускалъ погребенія и, окруживъ гробъ, сбивалъ всѣ надписи на немъ; эти же надписи уничтожались и во всемъ царствѣ, на памятникахъ и на зданіяхъ, чтобы исчезла всякая память о плохомъ фараонѣ. Такой умершій

какъ бы вычеркивался изъ списковъ когда-либо жившихъ въ Египтѣ.

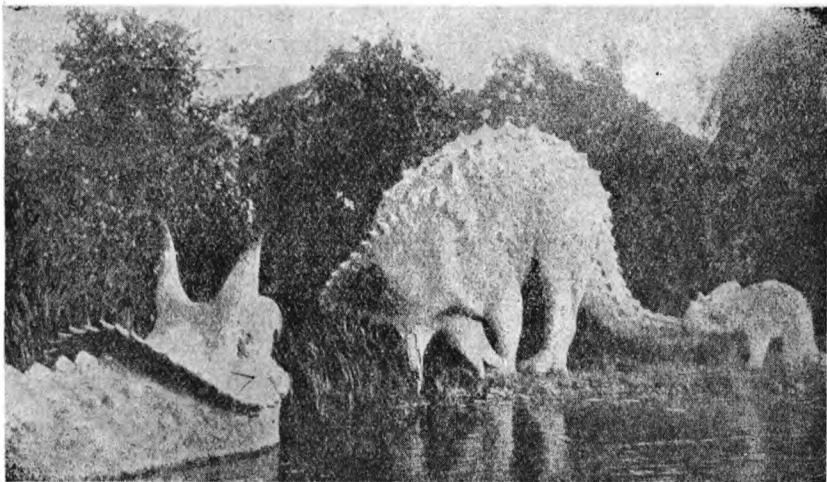
Греческій историкъ Діодоръ, рассказывая о судѣ надъ фараонами, справедливо замѣчаетъ:

„Поэтому то большинство фараоновъ и избѣгали худыхъ поступковъ, боясь лишиться почетнаго погребенія“.

Слѣды народнаго мщенія можно и до нынѣшняго времени наблюдать, разсматривая нѣкоторые египетскіе памятники, вывезенные въ Европу: напримѣръ, на одной изъ статуй богини Паштъ можно видѣть, что титуль и имя фараона были стерты; удалось даже установить, что имя одного такого фараона было — Аменготепъ.



Чудовища допотопнаго міра.



Трицератопсъ — предокъ носорога.

(Въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала будетъ напечатанъ очеркъ о допотопныхъ животныхъ).

Малайскія сказки.

Пересказъ О. И. Юна.

Въ лѣсахъ Малайскаго архипелага живетъ очаровательное маленькое животное — карликовый олень, прозванный малайцами Пеландо, научное названіе котораго *Tragulus kautchil*. По виду настоящій олень, только безъ роговъ, Пеландо величиной съ небольшую кошку, стройный, на изящныхъ, тонкихъ какъ карандашъ ножкахъ, съ большими карими глазами, выразительными и грустными. Невольно это красивое, хрупкое животное привлекаетъ къ себѣ расположеніе всѣхъ, кому приходилось видѣть и, какъ пишемъ эти строки, держать его въ неволѣ. Пеландо — обитатель первобытныхъ лѣсовъ. Ему нужны ихъ вѣчная тѣнь, ихъ непроходимыя чащи. Туземцы иногда ловятъ Пеландо въ западняхъ, но мало дорожатъ имъ какъ пищей — слишкомъ на немъ мало мяса. Зато въ другомъ отношеніи они полюбили это прелестное животное и сдѣлали его героемъ шлага ряда сказокъ, въ которыхъ надѣляютъ его умомъ, находчивостью, хитростью и даже мудростью и справедливостью.



Судь.

То было въ тѣ времена, когда еще всѣ животныя говорили на одномъ общемъ языкѣ и когда, приказаніемъ Аллаха, вся власть надъ животными была дана наби Слеману (т. е. царю Соломону).

Выдра Мемерангъ собралась поохотиться на рыбъ и попросила Пеландо присматривать за ея дѣтенышами. Она нырнула въ рѣку, а Пеландо остался около берега, пощипывая травку и слѣдя за дѣтенышами выдры.

— Тап-а-тап, тап-а-тап, — вдругъ донеслось изъ лѣса. Пеландо на-

сторожилъ уши. Звукъ повторился, и Пеландо узналъ въ немъ набатъ дятла Блато — у животныхъ, какъ и у людей, существуютъ сигналы для предупрежденія объ опасности. Пеландо понялъ, что всѣмъ обитателямъ лѣса угрожаетъ что-то и, не долго думая, сталъ въ свою очередь бить въ набатъ. А на это онъ мастеръ. Своими тонкими ножками онъ можетъ выбивать такія трели, что любому барабанщику будетъ завидно. И пошелъ Пеландо работать своими ножками, увлекаясь все больше и больше, а когда остановился, чтобы перевести духъ, то увидѣлъ, что затопталъ всѣхъ дѣтенышей выдры.

Къ этому времени вернулась выдра и съ ужасомъ увидѣла, что натворилъ Пеландо. Тотъ и не сталъ отрицать своей вины. Пошла выдра жаловаться на оленя. Придя въ присутствіе наби Слемана, она присѣла, подняла переднія лапы къ глазамъ *) и сказала:

— Великій наби! Пеландо убилъ моихъ дѣтей; разсуди меня съ нимъ.

— Безъ допроса обвиняемого правосудіе учинено быть не можетъ, — возразилъ наби Слеманъ — Иди призови Пеландо. А вамъ, — обратился онъ къ бентарасамъ, т. е. членамъ суда, — приказываю созвать на этотъ судъ всѣхъ животныхъ, чтобы дѣло слушалось въ ихъ присутствіи.

*) По малайскому обычаю, обращаясь къ высокопоставленному лицу, садятся на полъ и поднимаютъ руки на уровень глазъ.

Когда всѣ животныя были въ сборѣ, наби Слеманъ открылъ за-сѣданіе и, обращаясь къ выдрѣ, сказалъ:

— Скажи, въ чемъ обвиняешь ты оленя Пеландо?

— Великій наби, — отвѣтила Мемерангъ, — когда я пошла за рыбой, я оставила дѣтей своихъ подъ надзоромъ Пеландо. Вернувшись, я нашла ихъ затоптанными на-смерть, и Пеландо сознался въ томъ, что онъ убилъ ихъ.

Тогда наби Слеманъ велѣлъ Пеланду дать свое показаніе.

Пеландо присѣлъ, поднялъ ножки къ глазамъ и сказалъ:

— Выдра сказала правду. Не успѣла она отправиться на охоту, какъ Блато, дятель, сталъ выстукивать набать, и я, твой слуга, сталъ по долгу вторить ему. При этомъ я нечаянно затопталъ дѣтенышей выдры. Я совершилъ это при исполненіи долга, виновенъ же дятель, который билъ въ набать.

— Призвать дятла! — приказалъ наби Слеманъ.

— Признаешь ли ты, — спросилъ наби прилетѣвшаго дятла, — что выбивалъ набать, заставивъ этимъ и оленя подавать сигналъ бѣдствія, отчего погибли дѣти выдры?

— Великій наби, я билъ въ набать. Но я видѣлъ, что Пеніу, рѣчныя черепахи, послѣшно выходили на берегъ, закованныя въ лапы. Предполагая, что они совершаютъ набѣгъ, я забарабанилъ для предупрежденія другихъ. Виноваты Пеніу, о наби!

— Что можетъ сказать въ свое оправданіе черепаха? — спросилъ наби.

Призвали черепаху, которая выкарабкалась изъ воды и, разбрасывая своими плавниками песокъ, подошла къ судилищу.

— Пеніу, ты обвиняешься въ томъ, что совершила со своими сородичами набѣгъ на сушу, чѣмъ заставила дятла бить въ набать. Что ты можешь сказать въ свое оправданіе? — спросилъ наби.

— Великій наби! Я увидѣла, что въ рѣкѣ было смятеніе. Ракъ Удангъ и его войско поднялись по

рѣкѣ, неся длинныя копыя, и окуни Серабау и его подданные, опоясанные по-военному красными поясами, выстроились и поплыли вверхъ по рѣкѣ. Не было сомнѣнія, началась жестокая война, — и мы, ради своего спасенія, бросились на берегъ.

— Великъ Аллахъ! — воскликнулъ наби. — Рѣка течетъ не прямо, а извилинами. Надо допросить и рака, и окуня.

Предстали передъ судьей ракъ и окунь и показали:

— Такъ оно было, великій наби! Но не войной шли мы на другихъ животныхъ, мы только спасались отъ выдры, которая насъ преслѣдовала.

— Ты слышала, Мемерангъ, что сказали ракъ и окунь? — обратился наби Слеманъ къ выдрѣ, — мы ждемъ твоихъ объясненій.

— Они правы, великій наби! Я питаюсь раками и окунями и кормлю ими своихъ дѣтенышей, и на нихъ я охотилась, когда оставила свою семью на попеченіи Пеландо.

— А коли такъ, Мемерангъ, ты же сама виновна въ смерти твоихъ дѣтей. Не стрѣла убиваетъ, а тотъ, кто натягиваетъ тетиву. Не преслѣдуй ты раковъ и окуней, черепаха не стала бы спасаться на берегъ, дятель не забарабанилъ бы въ набать, и Пеландо, подхвативъ сигналъ объ опасности, не затопталъ бы твоихъ дѣтей. Виновна ты сама, но наказана въ достаточной мѣрѣ, иди съ миромъ.

Такъ наби Слеманъ рѣшилъ дѣло объ убійствѣ дѣтей выдры.





Освобожденіе крестьянъ.

19 февраля (5 марта) исполнилось 65 лѣтъ, какъ Императоръ Александръ II подписалъ указъ объ отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи.

Не многіе помнятъ это время, а многимъ и неясно выраженіе „крѣпостное право“.

Крѣпостными назывались крестьяне, которые жили на помѣщичьей землѣ и находились въ полномъ распоряженіи своихъ господъ.

Помѣщики, распоряжаясь крестьянскимъ трудомъ, за это какъ бы платили крестьянамъ тѣмъ, что позволяли имъ обрабатывать землю и на свои крестьянскія нужды. Освобождая крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, необходимо было снабдить ихъ землей, чтобы не лишить возможности кормиться. Пришли къ заключенію, что землю для освобождаемыхъ можно купить у помѣщиковъ.

Какъ только вступилъ на престолъ Императоръ Александръ II, онъ сразу объявилъ о своемъ желаніи освободить крестьянъ.

Прошло пять лѣтъ, и только тогда выполнилъ Государь свое желаніе.

Императоръ не только далъ свободу крестьянамъ, но и надѣлилъ ихъ землей, купленной у помѣщиковъ на казенныя деньги. Долгъ свой казнѣ крестьяне должны были выплачивать въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ работахъ по великому дѣлу освобожденія крестьянъ дѣятель-

ными помощниками Александру II были великій князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцевъ, Н. Милютинъ, Ю. Самаринъ и князь В. Черкасскій.

Подписанный Государемъ 19-го февраля (по новому стилю 5 марта) 1861 г. манифестъ о волѣ былъ объявленъ народу съ амвоновъ всѣхъ церквей Россіи.

Профессоръ А. Никитенко, самъ бывший крѣпостной, получившій свободу въ юности, записалъ въ своемъ дневникѣ о радости, которую онъ испыталъ, прочитавъ манифестъ, и велѣлъ своему десятилѣтнему сыну „затвердить навѣки въ своемъ сердцѣ 5-ое марта и имя Александра II — Царя - Освободителя“.

„Я не могъ усидѣть дома“, говоритъ въ своихъ запискахъ профессоръ: „мнѣ захотѣлось выйти на улицу и, такъ сказать, слиться съ народомъ. Встрѣтилъ знакомаго.“

— Христосъ воскресе! — сказалъ я ему.

— Воистину воскресе! — отвѣтилъ онъ, и мы передали другъ другу нашу радость“.

По всей Руси была безпримѣрная радость. По выраженію одного писателя: „Всюду гудѣлъ благовѣсть свободы — отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, — бросая покровъ забвенія на прошлое, наполняя сердца лучшихъ людей свѣтлыми надеждами на лучшее будущее“.

Масленица.

Веселиться въ дни масленицы въ обычаѣ всѣхъ христіанскихъ народовъ; обычай этотъ сохранился съ языческихъ временъ.

У древнихъ грековъ существовалъ богъ веселья и вина — Вакхъ. Ежегодно въ честь его устраивались шумныя празднества, во время которыхъ народъ веселился до самоубвенія. Праздникъ Вахка (вакханаліи) приходился приблизительно въ то же время, въ какое приходится у насъ масленица. Принявъ христіанство, народъ по привычкѣ продолжалъ праздновать этотъ языческій праздникъ. Христіанская церковь ограничила народный разгулъ нѣсколькими днями передъ наступленіемъ великаго поста.

Въ Европѣ, гдѣ масленичные дни называются карнаваломъ (что въ переводѣ означаетъ: „прощай, мясо“) они въ разныхъ мѣстахъ имѣютъ различную продолжительность. Напримѣръ, въ Венеціи карнавальное время начинается 26 декабря; въ Римѣ продолжается одиннадцать дней, въ Германіи—одну недѣлю.

Въ Россіи масленица продолжается одну недѣлю, которая первоначально носила названіе мясопуста, а позднѣе стала называться сырной недѣлей и масленицей. Всѣ дни масленичной недѣли въ народѣ носятъ свои особыя названія: такъ, понедѣльникъ называется „встрѣчей“, вторникъ — „заигрыши“, среда — „лакомка“, четвергъ — „разгулъ“, пятница — „тещины вечерни“, суббота — „золовкины посидѣлки“, воскресенье— „прощаніе“, „прощенный день“.

Наша масленица, подобно европейскому карнавалу, — тоже остатокъ языческаго праздника.

У древнихъ славянъ былъ богъ Волось, которому устраивались большія празднества, продолжавшіяся и тогда, когда русскіе приняли христіанство. По времени этотъ праздникъ приблизительно совпадалъ съ

нашей масленицей. Передъ его наступленіемъ славяне справляли тризну — поминки по умершимъ — и при этомъ пекли блины, безъ чего не обходилась ни одна тризна. И теперь у насъ канунъ масленицы также посвящается поминовенію усопшихъ родителей, при чемъ, по старому обычаю, пекутся блины. Обычай печь блины продолжился и на масленицу.

Масленичные дни посвящаются забавамъ.

Въ большомъ ходу были въ старину на масленицѣ борьба, кулачные бои, ряженые комедіанты. Ходили кукольники съ Петрушкой, вожаки водили медвѣдей и дрессированныхъ козъ, по домамъ ходили ряженые въ маскахъ. На улицахъ устраивали ледяныя горы и качели. Эти качели были особенно любимымъ удовольствіемъ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ. Въ то время московскія масленичныя потѣхи происходили на мѣстѣ нынѣшнихъ Красныхъ воротъ, гдѣ устанавливались качели. Въ первый день масленицы сюда приходилъ царь и, покачавшись съ офицерами на качеляхъ, этимъ открывалъ празднества.

Мѣстами у насъ существовалъ и существуетъ такой обычай. На масленицѣ на льду рѣки строятся изъ снѣга городки съ башнями, воротами и прорубью. Собираются мальчики, вооруженные помелами и метлами, и дѣлятся на двѣ партіи. Одна партія забирается въ городокъ и защищаетъ его отъ другой партіи, которая нападаетъ. Дѣло кончается тѣмъ, что нападающіе берутъ городокъ и своего предводителя купаютъ въ проруби, послѣ чего всѣ вмѣстѣ съ пѣснями разрушаютъ городокъ и съ пѣснями возвращаются по домамъ.

Снѣжный городокъ какъ-бы изображаетъ собой зиму, а нападающіе — весну. И весна побѣждаетъ зиму.

Юный натуралистъ

Коллекціи растений.

Засушивание растений.

Засушивание растений и приготовленіе ихъ для гербарія требуютъ большой тщательности и хлопотъ. Способы, которыми при этомъ пользуются, различны, смотря по роду растений. Нитчатые водоросли (*Conferva*) кладутъ въ чашку съ чистой водой и, подведя подъ нихъ листъ бѣлой бумаги, вылавливаютъ ихъ. Расправивъ затѣмъ растеніе и придавъ ему натуральную форму, осторожно вынимаютъ бумагу изъ воды и, когда бумага и растеніе высохнутъ, его сжимаютъ слегка между листами пропускной бумаги, чтобы не дать ему свернуться. Водоросли — осцилларіи (*Oscillaria*) кладутъ на кусочекъ бумаги съ небольшимъ количествомъ облегающаго ихъ пла, обливаютъ ихъ нѣсколько разъ тепловатой водой и подвергаютъ высушиванію лишь тогда, когда онѣ образовали достаточное количество лучей, которые представляются какъ бы нарисованными на бумагѣ. Самые маленькіе виды водорослей сохраняютъ на кусочкахъ стекла въ конвертахъ. Съ морскими водорослями поступаютъ подобнымъ же образомъ; болѣе крупныя виды необходимо, однако, предварительно промыть въ сладкой водѣ, иначе онѣ не высыхаютъ; ихъ необходимо также очистить отъ покрывающихъ ихъ маленькихъ паразитовъ.

Мхи и лишайники могутъ сохраняться цѣлые годы, и стоитъ ихъ только смочить водой, чтобы они вновь приобрѣли свѣжій видъ. Очень нѣжные виды слѣдуетъ класть въ конверты; другіе же виды расправляютъ и высушиваютъ умѣреннымъ надавливаніемъ между листами пропускной бумаги. Лишайники, крѣпко приросшіе къ камнямъ, можно отдѣлить только при помощи рѣзца, отбивъ тотъ кусокъ, на которомъ сидитъ лишай. Такіе экземпляры должны сохраняться въ ящичкахъ, подобно минераламъ. Если лишайникъ сидитъ на корѣ дерева, то вырѣзаютъ тотъ кусокъ, на которомъ онъ помѣщается, или, по крайней мѣрѣ, верхній слой коры возможно тоньше. При укладываніи и засушиваніи овощей, вѣтвей, травъ и т. п. пользуются возможно болѣе гладкой, не имѣющей узелковъ, пропускной (непроклеенной)

бумагой. Самое же главное, чтобы бумага была суха; всего лучше, если ее передъ употребленіемъ нагрѣть у печи. Большія утолщенія на корняхъ и стволѣ растений срѣзываются. Нужно стараться, чтобы два листа или цвѣтка не лежали, касаясь одинъ другого, — въ противномъ случаѣ они склеиваются и портятся. Обыкновенно лишніе листья и цвѣтки срѣзываютъ, но для яснаго представленія оставляютъ часть ихъ ножки. Листья и цвѣтки, если возможно, расправляютъ и придаютъ имъ нормальную форму. Если согнутыя длинныя растенія располагаются во всѣ стороны, то соответствующими надрубками, или перевязавъ ниткой, ихъ собираютъ въ одно.

Очень большіе экземпляры дѣлать пополамъ. Приступая къ засушиванію, кладутъ на столъ 6—8 листовъ пропускной бумаги, корешкомъ направо и сверху одинъ листъ корешкомъ налѣво. Въ этотъ послѣдній кладутъ растеніе съ билетикомъ, на которомъ обозначено его названіе, мѣсто и время нахождения. Когда растеніе уже достаточно расправлено, его покрываютъ другой половиной листа и сверху снова накладываютъ небольшую пачку подогрѣтыхъ листовъ, уже безъ растений и корешкомъ направо. Такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не получится кипа высотой вершка въ три. При такомъ укладываніи сразу видно, въ какихъ листахъ лежатъ растенія и въ какихъ нѣтъ. Затѣмъ всю кипу подвергаютъ умѣренному сдавливанію подъ прессомъ. Если не имѣется подходящаго прессы, то можно помѣстить пакетъ между двухъ досокъ, и сверху наложить кирпичъ или гири. Если накладываются гири, то пакетъ не долженъ быть очень высокимъ, иначе онъ легко подъ гирями наклоняется на бокъ. Растенія не вынимаются изъ листовъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ совершенно сухими, что обыкновенно бываетъ послѣ 8—14 дней; промежуточные же листы уже въ первый день замѣняютъ одинъ или два раза слоями сухой подогрѣтой бумаги. Въ слѣдующіе дни дѣлаютъ это только

по разу. Чѣмъ суше и теплѣе промежуточные слои и чѣмъ чаще ихъ мѣняютъ, тѣмъ скорѣе высушивается растение и тѣмъ лучше сохраняется оно своей натуральной цвѣтъ. Нѣкоторыя растенія имѣютъ, правда, нежелательную способность чернѣть, какъ бы тщательно ни производилось высушивание, напр.: лѣсной горошникъ, чешуйникъ, сосновая спаржа и проч. Многія семейства, изъ наиболѣе красивыхъ, требуютъ особой обработки, какъ напр.: орхидей, многія растенія, относящіяся къ классу лилій, медоносныя — родственныя перечнымъ. Если ихъ безъ предварительныхъ манипуляцій положить подъ прессъ, то они еще подъ прессомъ продолжаютъ расти и въ концѣ концовъ становятся бурыми или черными и теряютъ листья. Съ такими экземплярами поступаютъ слѣдующимъ образомъ: растеніе тщательно очищаютъ и затѣмъ, помѣстивъ его между зубьевъ вилки, опускаютъ въ сосудъ съ кипящей водой. Сосчитавъ 1, 2, 3, растеніе вынимаютъ изъ воды и, давъ водѣ стечь, обсушиваютъ его листомъ пропускной бумаги. Затѣмъ растеніе кладутъ подъ прессъ по вышеуказаннымъ

правиламъ. Черезъ часъ промежуточные слои замѣняютъ новыми; въ первый день ихъ замѣняютъ три-четыре раза. Поступая такимъ образомъ, можно уже черезъ 3—4 дня имѣть самую красивыя изъ орхидей и лилій, съ вполне сохранившейся натуральной, нѣжной окраской.

Грибы, особенно мелкіе виды, растущіе на листьяхъ, на корѣ деревьевъ, также можно засушивать и сохранять. Сохраняются также виды сухіе, деревянистой консистенціи; напротивъ, съ мясистыми грибами, начинающими очень скоро гнить, дѣло обстоитъ гораздо труднѣе. Прикладывая растеніе къ губамъ, убѣждаются въ томъ, высохло оно или нѣтъ. Если при этомъ ощущается холодъ, то это значитъ, что растеніе еще не совсѣмъ сухо. Въ сомнительныхъ случаяхъ предпочитаютъ поддержать растеніе подъ прессомъ нѣсколько лишніхъ дней, нежели вынимать его раньше, чтобы не причинить вреда растенію. Не слѣдуетъ слишкомъ сдавливать растенія подъ прессомъ, иначе ихъ легко раздавить; умереннымъ сдавливаніемъ стараются только предотвратить ихъ свертываніе.

Коллекціи насѣкомыхъ.

Бабочки.

Ловля бабочекъ.

Если будемъ ограничиваться ловлей бабочекъ, случайно попадающихъ въ нашъ садъ, или во время прогулокъ, намъ никогда не удастся составить мало-мальски полной коллекціи. Ихъ надо искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ водятся, и въ то время, когда онѣ встрѣчаются. Правда, въ теченіе теплаго времени года, въ ясные дни всегда и вездѣ будутъ попадаться бабочки; но мы вскорѣ убѣдимся, что нашъ уловъ будетъ довольно однообразенъ. Поэтому нужно, прежде всего, выбрать для отдѣльныхъ экскурсій, по возможности, разнообразныя мѣста, напр., собирать то въ саду, то на лугу, или въ полѣ, на опушкѣ лѣса, въ лѣсу, на пескахъ, на моховомъ болотѣ; и мы вскорѣ убѣдимся, что населеніе, или фауна, каждой изъ названныхъ мѣстностей (стаций) носить собственный, болѣе или менѣе выраженный характеръ.

Недостаточно также гоняться только за летающими бабочками, т. е. лишь незначительная часть видовъ летаетъ днемъ, другія же укрываются въ разныхъ мѣстахъ, чтобы отправиться въ полетъ только съ наступленіемъ сумерекъ или ночи. Находить покоящихся бабочекъ, конечно, много труднѣе и для успѣшной охоты на нихъ надо научиться видѣть. Поясню это примѣромъ. Мы проходимъ въ маѣ мѣсяцѣ мимо липы, или другого листовнаго дерева, объѣгаемъ взглядомъ стволъ и, какъ будто, не замѣчаемъ ничего особеннаго: видимъ темную кору дерева, а на ней мѣстами, отдѣльными пятнами, лишайники. Но одинъ изъ лишайниковъ имѣетъ нѣсколько необычную, черезчуръ правильную и притомъ не круглую форму. На немъ мы останавливаемъ взглядъ, подходимъ ближе и видимъ, что это вовсе не лишайникъ, а бабочка дифтера, сидящая на корѣ съ распла-

станными крыльями. Другой примѣръ. На обвѣтрившемся сѣромъ заборѣ замѣчаемъ, что въ одномъ мѣстѣ какъ бы отсталъ кусочекъ дерева, такой-же сѣрый, какъ и доска забора. Взглядѣвшись пристальнѣе, мы убѣдимся, что и это бабочка, кукулліа, которая здѣсь выжидаетъ наступленія ночи.

Каждому приходилось наблюдать, что свѣтъ привлекаетъ насѣкомыхъ, въ особенности бабочекъ. На дуговыя электрическія лампы, и даже на простую керосиновую, поставленную на террасу или у окна, онѣ летятъ иногда массами. Этимъ обстоятельствомъ мы, конечно, будемъ пользоваться для лова ночныхъ бабочекъ. За неимѣніемъ подходящаго мѣста для ловли на свѣтъ, при самомъ домѣ, можно развѣсить въ саду или другомъ подходящемъ мѣстѣ бѣлую простыню и поставить передъ ней лампу. Если-же лампа стоитъ на столѣ, то бѣлая скатерть и натянута позади стола простыня, помогутъ дѣлу, т. к. бѣлый фонъ отражаетъ лучи свѣта, дѣлаетъ его болѣе яркимъ.

При ловлѣ на свѣтъ, собиратель вскорѣ замѣтитъ, что не всѣ виды ночныхъ бабочекъ прилетаютъ въ одно и то-же время. Однѣ прилетятъ, какъ только стемнѣетъ, другія позднѣе, третьи, наконецъ, появятся только глубокой ночью, почти подъ утро. Летъ на свѣтъ происходитъ неравномѣрно. Отъ времени до времени наступаютъ перерывы, въ которые прилетаетъ очень мало, даже никакихъ бабочекъ, послѣ-же перерыва летъ возобновляется, при чемъ появляются другіе уже, по преимуществу, виды. Ясные, лучшія ночи не даютъ почти никакого улова, который самымъ удачнымъ бываетъ въ пасмурную, теплую погоду, чему не мѣшаютъ небольшой дождь и даже гроза.

Бабочки большія любительницы полакомиться нектаромъ цвѣтвъ, вытекающимъ изъ деревьевъ сокомъ и т. п. Въ теплые весенніе вечера и ночи около цвѣтущихъ нвъ собираются иногда цѣлые рои этихъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ, почницъ, тѣнокаміи; лѣтомъ-мало, даже никакихъ бабочекъ; послѣ-же надъ сильно пахучими цвѣтами,

напр., жимолости, появляются съ наступленіемъ сумерекъ красавцы бражники, самая крупная изъ нашихъ бабочекъ. Вытекающій изъ березы сокъ также привлекаетъ многихъ насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и бабочекъ, притомъ, какъ днемъ, такъ и ночью. При почномъ ловѣ нужно имѣть при себѣ карманный электрическій фонарикъ, которымъ освѣщаютъ цвѣтущій кустъ или стволъ дерева, источающій сокъ. Привлекаетъ бабочекъ и простая вода: на мокрыхъ мѣстахъ около рѣчекъ, или около лужъ онѣ собираются въ жаркіе дни иногда въ большомъ числѣ.

Есть, наконецъ, бабочки — любительницы запаховъ сомнительнаго качества. Ихъ приманиваютъ острымъ сыромъ, протухшей рыбой и т. п.

Но это уже искусственная приманка и приводитъ насъ къ другому рода такой-же приманки, дающей великолѣпнѣйшіе результаты. Приманка эта готовится слѣдующимъ образомъ: берутъ 1 фунтъ дешеваго (краснаго) меда и смѣшиваютъ его съ бутылкой пива, бросаютъ туда-же очистки яблокъ или корки лимоновъ, или то и другое, вмѣстѣ. Къ этой смѣси можно прибавить еще немного сахара. Какъ только наступитъ броженіе, смѣсь готова къ употребленію, но чѣмъ она больше стоитъ, тѣмъ становится лучше. Отъ времени до времени, для пополненія расхода, прибавляютъ понемногу того или иного изъ составныхъ веществъ, или немного воды.

Этой смѣсью обмазываютъ стволы деревьевъ, приблизительно на высотѣ глазъ. Лучше всего дѣлать это еще до захода солнца, чтобы примѣтитъ, какія деревья обмазаны; можно еще прикрѣпить къ нимъ лоскутокъ бѣлой бумаги или тряпки, для того, чтобы было легче находить ихъ въ темнотѣ. Если сборы производятся болѣе или менѣе постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ, рекомендуется обмазывать все тѣ-же самыя деревья въ виду того, что кора постоянно пропитывается запахомъ приманки. Вмѣсто деревьевъ можно обмазывать заборы (некрашеные), разставленные вертикально доски и т. п.





Хроника скаутской жизни.

Въ понедѣльникъ 22 февраля исполнилось 69 лѣтъ основателю скаутскаго движенія и шефу скаутовъ всего міра, генералу Бадень-Паулю.

Въ этотъ высокаторжественный для каждаго скаута день по всему свѣту, отъ снѣговъ Швеціи и Норвегіи до жаркихъ пустынь Африки, скауты всѣхъ народовъ кричали «ура» своему вождю и слали ему горячія пожеланія здоровья и силъ въ его безустанной работѣ на пользу скаутизма.

жество отдѣльно.

Такъ какъ 22-ое февраля пришло на будничныи день, то рѣшили отпраздновать въ воскресенье 21-го. Въ 2 часа дня 8-ая стая волчатъ и 5-ый отрядъ были выстроены въ штабъ-квартирѣ.

Послѣ небольшой рѣчи начальника 5-го отряда о значеніи празднуемаго дня скауты стройно пропѣли свой гимнъ. Затѣмъ, усѣвшись у камина, пѣли свои пѣсни и слушали рассказы

Подача первой помощи.



Скауты знаютъ, какъ оказать помощь въ несчастномъ случаѣ. На нашемъ снимкѣ изображенъ моментъ изъ парада бой-скаутовъ въ Ригѣ: скауты демонстрируютъ приемъ подачи первой помощи.

Этотъ знаменитый день былъ отпразднованъ и русскими скаутами. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что русскіе отряды не смогли объединиться въ одно и дружной семьей встрѣтить и отпраздновать день рожденія своего вождя: каждый отрядъ устроилъ тор-

скаутъ-мастера о жизни и многочисленныхъ приключеніяхъ Бадень-Пауля. Былъ прочитанъ также интересный рассказъ «Подвигъ скаута», вызвавшій долгіе разговоры и личныя воспоминанія о подобныхъ же случаяхъ.



Зоологическія почтовые марки.

Ньюфаундлендская собака. На Ньюфаундлендѣ (англ. колонія) зоологическія марки пользуются большою любовью. Среди остальныхъ красивыхъ марокъ обращаетъ на себя вниманіе марка съ головой собаки, порода которой носитъ то же названіе, что и островъ.

Въ отдѣлѣ «Обо всемъ понемногу» мы помѣщаемъ замѣтку, посвященную этой благородной породѣ собакъ.

Данія.

Въ виду пониженія почтоваго тарифа, намѣчено измѣненіе цвѣтовъ курсирующихъ марокъ, а пока выпущены «временныя перепечатки» (провизоріи) марки въ 20 эре, на желтой въ 30 эре.

Отвѣты филателистамъ.

Д. Киссинъ, Рига, спрашиваетъ насъ, можно ли считать за марки знаки (печати) на конвертахъ, которые ввело въ обращеніе германское почтовое вѣдомство. — Такая замѣна почтовыхъ марокъ франкировочнымъ штемпелемъ вводится главнымъ образомъ въ цѣляхъ экономіи почтовыхъ марокъ при массовыхъ дешевыхъ отправкахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ такіе штемпеля ставятся на журналы и газеты. Разумѣется, это не марки и въ альбомѣ имъ не мѣсто, но ихъ можно собирать параллельно съ коллекціей, наряду съ почтовыми открытками, бандеролями и проч. Есть коллекціонеры, которые специализируются именно на такихъ видахъ почтовой оплаты, а также собираютъ желѣзнодорожныя марки и благотворительныя. Другое дѣло—суррогаты почтовыхъ марокъ, т.е. марки разныхъ назначеній и наименованій, допускавшіяся къ франкировкѣ писемъ, въ виду отсутствія настоящихъ почтовыхъ марокъ. Мы уже упоминали объ обилии

такихъ суррогатовъ въ сов. Россіи, и у большинства коллекціонеровъ имѣются гербовыя, контрольныя и благотворительныя марки, послужившія для оплаты корреспонденціи. Случается также, что на конвертѣ наклеивается марка, вырѣзанная съ открытаго письма. На выставкѣ марокъ въ Ригѣ даже привлекла вниманіе знатоковъ незубченая русская марка въ 8 копеекъ, никогда и никому до сихъ поръ неизвѣстная. Повидимому, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ маркой, вырѣзанной съ конверта. Въ портфель редакціи «Юнаго Филателиста» есть между прочимъ интересная разновидность суррогата нѣмецкой почтовой марки, выпущеннаго въ 1923 г. въ курортѣ «Вадъ Зальцшпирфъ» въ Германіи. На письме наклеенъ салончикъ съ литографированной надписью «Freigebüg bezahlt» (почтовый сборъ уплаченъ), снабженный большою печатью мѣстнаго почтамта и надписью отъ руки: 20.000 (марокъ періода инфляціи). Кромѣ того имѣется на этой своеобразной маркѣ обыкновенный почтовый штемпель мѣстной конторы.

Передъ революціей въ Россіи почтовые марки въ 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеекъ были, какъ извѣстно, выпущены въ обращеніе также на толстой бумагѣ взамѣнъ мелкой размѣнной монеты. Было воспрещено пользоваться этими марками для оплаты корреспонденціи, чтобы не причинять ущерба почтовому вѣдомству, но многіе, за неимѣніемъ подъ рукою почтовыхъ марокъ, все-таки клеили эти марочныя деньги на письма; коллекціонеры же дѣлали это умышленно, чтобы пополнить коллекцію экземплярами, обѣщавшими стать рѣдкостью. И дѣйствительно, такія «пеналостоящія почтовые» марки расцѣниваются любителями довольно высоко, особенно, если эти марки сохранены на конвертѣ. (Надпись на оборотѣ: «Имѣть хожденіе наравнѣ съ размѣнной монетой» — легко замѣтить, если посмотрѣть такой конвертъ на свѣтъ).



Бобслэдь.

Въ нашемъ журналѣ сообщалось объ интересной гонкѣ на саяхъ (бобахъ), организуемой для французскихъ летчиковъ, участниковъ великой войны.

Сегодня мы подѣлимся съ читателями корреспонденціей изъ Чехи (Богеміи), гдѣ этотъ зимній спортъ развитъ очень высоко, по примѣру Швейцаріи.

Конечно, знаменитые горные спуски въ С. Морисѣ, Давосѣ и Шамоникѣ болѣе извѣстны въ Европѣ, чѣмъ гористыя мѣстности Богеміи, но, какъ мы увидимъ, чешскіе спортсмены не только не ударили лицомъ въ грязь, но даже

для бобовъ, часто протяженіемъ въ десятокъ километровъ.

Нашъ первый снимокъ изображаетъ команду Мариенбадскаго клуба W S C, одержавшую побѣду въ состязаніяхъ на первенство Германіи въ Обергофѣ (Тюрингія). На второмъ снимкѣ изображенъ моментъ крутого поворота на олимпійскихъ состязаніяхъ въ Гарнишъ-Партенкирхенъ (Баварія).

Въ то время какъ въ Швейцаріи пользуются главнымъ образомъ стальными саями, въ остальныхъ упомянутыхъ странахъ преобладаютъ деревянные



взяли первые призы на международныхъ состязаніяхъ. Гонки на бобахъ обычно устраиваются мѣстными клубами, которые оповѣщаютъ о времени и условіяхъ состязаній заграничныхъ любителей катанія съ горъ. Кромѣ Швейцаріи, состязанія устраиваются ежегодно въ Гарцѣ (Германія) и Южной Баваріи, въ Земмерингѣ (Австрія) и въ Мариенбадѣ (Чехословакія), гдѣ повсюду устроены образцовые спуски съ горъ

бобы. Причину этому слѣдуетъ искать въ особенностяхъ горныхъ спусковъ.

Деревянный бобъ строится обычно шире, что придаетъ ему большую устойчивость, а кромѣ того деревянный бобъ не даетъ такихъ прыжковъ на обледенѣлыхъ поддавкахъ, какъ стальные сани. Это имѣетъ громадное значеніе, если принять во вниманіе, что вѣсь саней съ командою въ 4—5 человекъ доходитъ до 400—500 килограммовъ, или

25—30 пудовъ, а самъ бобъ мчится со скоростью курьерскаго поѣзда.

Въ Швейцаріи, благодаря благопріятнымъ для зимняго спорта климатическимъ условіямъ, горы оборудованы особенно образцово, причѣмъ съ обѣихъ сторонъ спусковъ устроены предохранительные валы изъ снѣга. Это препятствуетъ санямъ, даже при предѣльной скорости и при большихъ прыжкахъ, соскочить съ правильнаго пути. Скорость же подчасъ развивается прямо фантастическая. Хорошо тренированная команда совершаетъ спускъ въ

главнымъ образомъ у поворотовъ. Часто всѣ участники состязаній достигаютъ предѣльной скорости, какая только возможна въ этой отрасли спорта, и разница во времени опредѣляется всего какими-нибудь десятыми долями секунды. При одинаковомъ вѣсѣ саней побѣда зависитъ главнымъ образомъ отъ правильныхъ и дружныхъ дѣйствій команды, подчиненной своему капитану. Малѣйшая ошибка кого-нибудь изъ участниковъ (неправильный наклонъ тѣла) и бѣгъ саней замедляется на нѣсколько десятыхъ секунды, а при



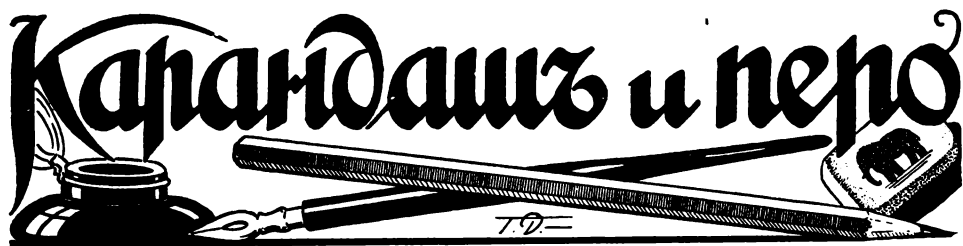
1600 метровъ (полторы версты) въ 1 минуту и тридцать пять секундъ. Такимъ образомъ временами скорость мчащихся саней превышаетъ 60 верстъ въ часъ, и состязанія приобрѣтаютъ громадный интересъ не только для участниковъ, но и для многочисленныхъ зрителей, которые располагаются въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ спуска,

болѣе крупныхъ промахаяхъ сани могутъ опрокинуться, что при бѣшеной скорости сопряжено съ серьезной опасностью для жизни команды.

Конечно, несчастные случаи довольно рѣдки, потому что допускаются къ состязаніямъ только опытные команды, „мастера“ своего дѣла.

М. Г.





Конкурсъ „Юнаго Читателя“.

Этимъ конкурсомъ всѣ дѣти
Увлекаются сейчасъ:
Вѣдь рѣшить задачи эти
Многимъ хочется изъ насъ.
Вотъ одинъ не понимаетъ
Тутъ задачи номеръ шесть
И башку себѣ ломаетъ, —
Въ чемъ неправильность тамъ
есть?

Но что многимъ сдѣлать трудно, —
Такъ задачу съ домино;
А вотъ мнѣ досадно, нудно:
Какъ въ кубки налить вино?
А. Флауме.

Весенній вечеръ.

Вотъ огни ужъ погасли въ домахъ,
Сномъ, какъ сътью, весь садъ нашъ
одѣтъ.

Показалась роса на цвѣтахъ, —
Все веснѣ шлетъ вечерній привѣтъ.
Далеко, далеко, гдѣ-то въ чащѣ
лѣсной

Разливается пѣснь соловья.
Онъ ликуя поетъ, весь обласканъ
весной,

И веснѣ его пѣсня мила.
А. Флауме.

Послѣ грозы.

Только-что гремѣли здѣсь раскаты
грома,
Молнія сверкала огненной стѣной,
Но теперь промчались дождь и не-
погода,
Радуга сияетъ пестрою дугой.
Солнце улыбнулось. Свѣтлыми лу-
чами

Землю озарило. Тучи грозовой
Будто не бывало. Лишь одни ря-
дами
Облачка рѣзвятся свѣтлой полосой.
Викторъ Лейтманъ.

Шутки и проказы.



Визитъ доктора.

Скворченокъ какъ-то захворалъ;
Обрыскавъ все лѣсное царство,
Папа-скворецъ врача сыскалъ,
Чтобъ прописать птенцу лѣкарства.
В. Дорнгеймъ.

Весна.

Съ нѣжной солнечной улыбкой,
Вся въ пестрѣющихъ цвѣтахъ,
Къ намъ пришла весна златая
Съ пѣсней чудной на устахъ.
Все проснулось и ожило,
Всюду зелень и цвѣты,
Все растеть, благоухаетъ, —
Всюду царство красоты.
Снова птички прилетѣли
Изъ чужбины въ край родной;
Снова пѣсни зазвучали
Надъ опушкою лѣсной.

Алексѣй Иллюкевичъ, 13 л.

Храбрость города беретъ.

Р а з с к а з ь.

Тихо. Слышно даже, какъ муха летитъ по темной спальнѣ, гдѣ никакъ не можетъ заснуть Алеша.

Страшно Алешѣ; его мама и папа уѣхали въ городъ къ знакомой на свадьбу, прислуга отправилась въ соседнее село на гулянье. Во всей дачѣ только Алеша и его старшій братъ, пятиклассникъ Евгений. Евгений тоже не спитъ, онъ не спитъ не отъ страха, а онъ думаетъ о чемъ-то.

— Евгений!

— Ну... что тебѣ?

— Ты спишь?

— Если бы спалъ, не отвѣчалъ бы.

Алеша замолчалъ, уткнувшись въ подушку. Онъ сталъ считать, начиная отъ одного, чтобы скорѣе заснуть; до-считавъ до 50-ти, наострилъ уши. Алешѣ кажется, что гдѣ-то въ саду идутъ люди... идутъ тихо, такъ тихо, что шаги ихъ похожи на шорохъ травы отъ вѣтра. Алешу забираетъ страхъ. Онъ встаетъ и бѣжитъ въ комнату Евгения.

— Евгений, слышишь?

— Чего?

— Шаги!

— Ахъ, пошелъ спать... Вотъ завтра я расскажу всѣмъ, какой ты дуракъ.

Алеша покраснѣлъ... медленными шагами направился къ своей комнатѣ...

Въ саду раздается трескъ, какъ будто человекъ наступилъ на хворостинку.

Евгений приподнял голову и сталъ прислушиваться... Ничего не слышно. Онъ усмѣхнулся и подумалъ: «что за трусовый, какой я мужчина, если буду бояться спать одинъ въ домѣ безъ взрослыхъ!» Послышался шорохъ въ саду... Евгений не выдержалъ... всталъ и пошелъ къ Алешѣ; дошелъ только до гостиной и опомнился: «чѣмъ можетъ помочь Алеша? Вѣдь онъ меньше его на два класса и на три года младше.» Вернулся въ кровать... покрылся съ головой въ одѣяло... Слышитъ Евгений, какой чьи-то шаги подходятъ къ дверямъ... звенитъ желѣзо... кто-то старается открыть двери... Евгений тихонько сбрасываетъ съ себя одѣяло, наскоро одѣваетъ брюки, накидываетъ на плечи пиджакъ и пробирается въ комнату, гдѣ спитъ Алеша. Добрался... будитъ его.

— Алеша, воры!!!

— А... а... а... — бормочетъ тотъ.

Но вдругъ у него глаза становятся все больше и больше... они полны ужаса.

— Не бойся, Алеша... не будь трусомъ! Гдѣ папино ружье?

— Во... о... н... н... у кро... о... ва... а... ти... и.

Евгений беретъ ружье.

— Иди сюда! Вотъ здѣсь мы встрѣтимъ воровъ.

И оба становятся у дверей спальни.

— Евген... і... й вѣ... ѣдь руж... ж... жье то... о не за...а...р...я...же...но.

— Молчи!

Слышится скрипъ двери. Кто-то крадется... Евгений шепчетъ Алешѣ:

— Когда я толкну тебя въ бокъ, тогда сразу бѣги къ выключателю и открой электричество... если ты этого не сдѣлаешь, то мы пропали... и воры зарѣжутъ насъ.

Шаги приближались. Евгений толкнулъ Алешу, а тотъ только и ждалъ этого сигнала... онъ бѣжитъ къ выключателю и поворачиваетъ его. Электричество вспыхнуло, и дѣти увидѣли передъ собой мужика съ ножомъ въ рукахъ.

Евгений прицѣлился въ вора и командовалъ:

— Руки вверхъ!

Мужикъ бросилъ ножъ и поднялъ руки.

— Ну, теперь будемъ ждать людей.

Воръ злобно улыбнулся. Алеша съ открытымъ ртомъ смотрѣлъ то на брата, то на вора.

Ждать людей пришлось часъ, а то и больше... но вотъ послышались шаги по садовой дорожкѣ.

— Алеша, бѣги навстрѣчу и скажи...

Но Алеша не выслушалъ брата до конца. Какъ только услышалъ «бѣги» — онъ уже бѣжалъ... а бѣжать онъ самъ зналъ куда.

Въ комнату, гдѣ Евгений арестовалъ вора, вбѣжала растерявшаяся прислуга, а за ней смущенный парень.

— Что случилось? — нерѣшительно спросилъ онъ.

— Развѣ у васъ глазъ нѣтъ... видите, что я поймалъ вора! — хвастливо отвѣтилъ Евгений.

Парень подошелъ къ вору, связалъ ему руки веревкой и повелъ въ полицію.

— Баринъ, хорошо, что вы не застрѣлили его, — проговорила прислуга.

Евгений улыбнулся. Онъ чувствовалъ себя героемъ.

Ф. Гансень.

Обо всемъ понемногу.

Путешествующіе дома.



Когда-то Жюль Вернъ въ своемъ романѣ „Паровой домъ“ описывалъ машину въ видѣ движущагося механическаго слона, внутри котораго было устроено комфортабельное помѣщеніе изъ нѣсколькихъ каютъ. Въ то время на романъ этотъ смотрѣли лишь какъ на остроумную выдумку романиста; однако современная дѣйствительность далеко обогнала мечту романиста. Современные автомобили-автобусы, вмѣщающіе по нѣсколько десятковъ пассажировъ, тысячами курсируютъ по улицамъ всѣхъ крупныхъ городовъ. Въ Америкѣ, этой классической странѣ автомобилизма, не рѣдкость встрѣтить настоящіе передвижные дома-автомобили, имѣющіе нѣсколько помѣщений: спальню, столовую, и уборную, въ которыхъ цѣлыя семьи могутъ совершать длительныя путешествія по прекрасно содержимымъ дорогамъ, не будучи связанными никакими расписаніями поѣздовъ, а также заботами о билетахъ и плацкартахъ. способныхъ испортить любое путешествие.

На рисункѣ изображенъ одинъ такой домъ на колесахъ, слегка напоминающій по своимъ размѣрамъ небольшой желѣзнодорожный вагонъ.

Ньюфаундлендская собака.

Англискіе ньюфаундленды—исполнительная собачья порода, водящаяся на Ньюфаундлендѣ и пользующаяся большою любовью и уваженіемъ въ Европѣ. Это гигантскія болонки, исполняющія, подобно сѣвернымъ оленямъ въ Лапландіи, работу лошадей и муловъ. Ньюфаундленды, пища которыхъ очень недостаточна и часто состоитъ изъ одной испорченной трески, отличаются безпримѣрнымъ мужествомъ и покорностью, а также вѣрностью. Они защищаютъ цѣною собственной жизни своихъ хозяевъ и ихъ имущество. Тутъ будетъ кстати напомнить, что стихія, въ которой живетъ ньюфаундлендъ, — скорѣе

вода, чѣмъ земля, и случаи спасенія людей благородными животными такъ многочисленны, что ихъ нѣтъ возможности сосчитать. Смышленость ньюфаундленда поразительна. Для примѣра приведемъ нѣкоторые случаи, за достовѣрность которыхъ можно ручаться.

Одинъ ньюфаундлендъ, по имени Зора, жившій у своего хозяина въ Анберѣ, смотрѣлъ по примѣру собакъ своей породы съ презрѣніемъ на сосѣднихъ шавокъ, имѣющихъ обыкновеніе облаять встрѣчнаго и поперечнаго, а при случаѣ и ухватить встрѣчную собаку за ногу. Какъ-то разъ одна собачонка укусила Зору за пятки. Ньюфаундлендъ, который при всемъ добродушіи, все-таки не отличался ангельскимъ терпѣніемъ, схватилъ виновницу за шиворотъ, спокойно притащилъ ее на край набережной и бросилъ въ Сену. Несчастная шавка принялась отчаянно барахтаться; берегъ былъ крутой, и она тщетно пыталась выкарабкаться изъ воды. Шавка залилась жалобнымъ визгомъ, готовая пойти ко дну, и тутъ-то Зора, слѣдившая за сценой съ дѣланнымъ равнодушіемъ, бросилась въ воду и сама вытащила свою жертву.

Вотъ другой случай, доказывающій необычайную доброту сердца ньюфаундленда. У одного господина, имя котораго лучше не называть, была ньюфаундлендская собака, отъ которой онъ рѣшилъ избавиться, чтобы не платить высокаго налога на собакъ. Онъ связалъ на берегу Сены бечевкой лапы своему старому псу и столкнулъ его въ рѣку. Ньюфаундленду удалось однако порвать путы, и онъ сталъ карабкаться, задыхаясь, на крутой берегъ. Здѣсь ждалъ его безжалостный хозяинъ съ палкой въ рукѣ, и на голову собаки посыпались жестокіе удары. При этомъ злой человѣкъ потерялъ равновѣсіе и самъ бухнулся въ рѣку. Ему пришлось бы самому утонуть, если бы песь не оказался лучше его—человѣка. Вѣрный мисси, возложенной на собакъ его породы, и называемой людьми инстинктомъ, ньюфаундлендъ мгновенно забылъ обиду и бросился въ воду, чтобы спасти своего палача. Ему удалось это не безъ труда. И затѣмъ оба вернулись домой. Песь — смиренно, въ радостномъ сознаніи, что совершилъ доброе дѣло и заслужилъ помилованіе, а человѣкъ — пристыженный и обезоруженный благородствомъ пса.

† Владиміръ Эшенбрухъ.



Редакция журнала „Юный Читатель“ съ прискорбіемъ узнала о смерти одного изъ самыхъ юныхъ своихъ друзей, обѣщавшаго стать постояннымъ и желаннымъ сотрудникомъ журнала.

3 февраля послѣ краткой, но тяжкой болѣзни, скончался Владиміръ Валентиновичъ Шписъ-Эшенбрухъ, рассказъ котораго „Гришка-пономаренокъ“ былъ напечатанъ во второмъ номерѣ нашего журнала и встрѣтилъ сочувственный пріемъ какъ со стороны писателей, такъ и нашихъ читателей.

В. В. Шписъ-Эшенбрухъ родился 16 декабря 1906 г. въ гор. Нарвѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ фабрику на Ивангородскомъ форштадтѣ, сохранившемъ вполне деревенскій видъ. Побывавъ во время войны въ приготовительныхъ школахъ Митавы, Риги и Петрограда, мальчикъ переѣхалъ съ отцомъ въ самую глушь Смоленской губерніи, гдѣ не было никакихъ учебныхъ заведеній, и могъ продолжать занятія только дома.

Послѣ большевицкаго переворота мальчикъ попалъ въ голодную Москву, откуда былъ посланъ къ роднымъ въ провинцію, гдѣ кончилъ школу. Жизнь въ совѣтскихъ условіяхъ не была по душѣ глубоко религиозному юношѣ, и творившееся вокругъ зло и насиліе заставило его замкнуться въ себѣ и углубило его духовный міръ. Заболѣвъ маляріей, юноша, по совету знахарки, выкупался въ Волгѣ, что сильно повліяло на его и безъ того слабое сердце. Тѣмъ временемъ эшелонъ, съ которымъ отецъ его выѣхалъ въ Ригу, успѣлъ уйти, и больному юношѣ только позже, съ помощью Латвійскаго Краснаго Креста удалось попасть въ Латвію. О систематическихъ научныхъ занятіяхъ не могло быть и рѣчи, но все-же онъ свободное время проводилъ за книжками и писалъ, часто тутъ же прочитывая дѣтямъ написанные рассказы и стихи*). Взгляды его на жизнь мало подходили къ возрѣніямъ нынѣшней молодежи. Онъ часто и охотно посѣщалъ храмъ и съ радостью прислуживалъ священнику, пока не рѣшился восемнадцати лѣтъ отроду посвятить себя служенію церкви, поступивъ чтецомъ въ Рижскій Каѳедральный соборъ. Здѣсь, при соборѣ, онъ и жилъ въ подвальномъ помѣщеніи, и все послѣднее лѣто безсмѣнно дежурилъ днемъ въ храмѣ, открытомъ весь день для молящихся. Чрезмѣрное усердіе подкосило его окончательно, и мечтѣ его — стать священникомъ какой-нибудь сельской церкви — не суждено было осуществиться.

Тяжкая болѣзнь уложила В. В. въ постель, и утромъ 3-го февраля юноша тихо уснулъ навѣки, оставивъ свѣтлую память въ сердцахъ всѣхъ, кто его зналъ. А знать его — значило и любить его.

*) Въ ближайшемъ номерѣ „Юнаго Читателя“ мы печатаемъ посмертный рассказъ В. Эшенбруха.

Большой конкурс журнала „Юный Читатель“ на премию, стоимостью свыше 100 латъ (5000 руб.).

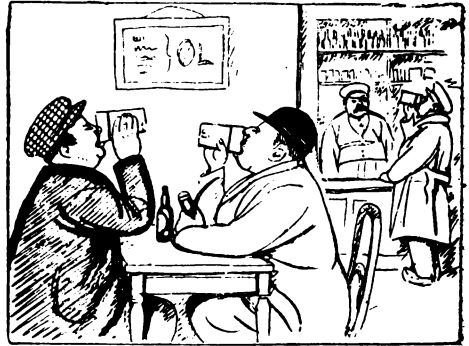
(Подробности о премияхъ смотр. въ отдѣлѣ объявленій.)

5.серія задачъ:

Задача № 18.

Задача № 19.

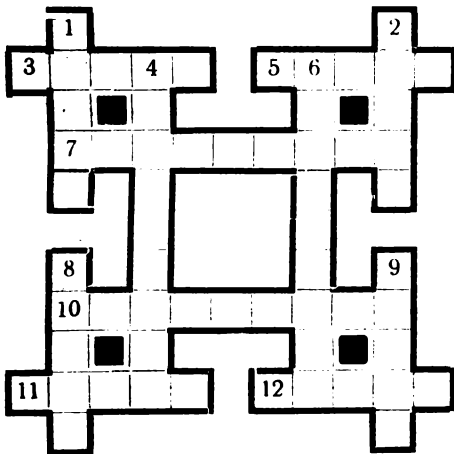
Рисунки разсѣяннаго художника.



Какія неправильности допустилъ художникъ на этихъ рисункахъ?

Задача № 20.

Крестъ-накрестъ.



Значеніе словъ въ вертикальномъ направленіи:

1. Путь.
2. Адамово яблоко.
4. Историческое ущелье въ Греціи.
6. Сильный источникъ свѣта.
8. Разновидность оленя.
9. Министръ послѣдняго царствованія.

Значеніе словъ въ горизонтальномъ направленіи:

3. Дикая птица.
5. Смѣшеніе металловъ.
7. Художественный русскій журналъ.
10. Великій мыслитель древности.
11. Вознагражденіе родителямъ невѣсты у азіатовъ.
12. Французскій писатель 19 вѣка.

Знаки Ъ, Ь опущены; Ѡ замѣнены буквой Ф.

Размѣстить въ квадратикахъ по буквъ, чтобы получалось при чтеніи въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ по 6 словъ.

Задача № 21.

Въ номерѣ 4 „Юнаго Читателя“ былъ указанъ способъ превращенія карманныхъ часовъ въ календарь. Этотъ ловкій фокусъ можно показывать не только въ текущемъ 1926 году, но и въ послѣдующіе годы. Какъ нужно измѣнить 12 вспомогательныхъ чиселъ на циферблатъ, чтобы правильно показывать этотъ фокусъ въ слѣдующемъ 1927 году?

Отвѣтъ долженъ заключать въ себѣ не больше 9 словъ.

Отъ редакціи.

Число участниковъ конкурса растетъ съ каждымъ днемъ. Ежедневно почта приноситъ намъ рѣшенія задачъ отъ нашихъ подписчиковъ и читателей въ Латвіи, Эстоніи, Литвѣ, Польшѣ, Румыніи, Болгаріи, Сербіи, Чехіи, Финляндіи, Австріи, Германіи и Франціи. Въ слѣдующемъ № журнала будетъ помѣщена послѣдняя, 6 серія задачъ и приложенъ послѣдній талонъ нашего большого конкурса. Не легко разобраться во всей массѣ присланныхъ рѣшеній, написанныхъ часто, увѣ, небрежно. Но все-таки

редакція отнесется бережно къ каждому присланному отвѣту на конкурсъ и, не имѣя моральнаго права, оказывать снисхожденіе тѣмъ, кто слѣлалъ ошибки по оплошности, или по небрежности, подведетъ строгій и безпристрастный итогъ присланнымъ каждымъ участникомъ рѣшеніямъ. Пока еще трудно сказать, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ состязанія, но уже въ ближайшихъ номерахъ мы сможемъ опубликовать фамилии тѣхъ, кто успѣлъ выдвинуться въ первыя ряды.

Вниманію участниковъ конкурса.

Редакція при всемъ желаніи не можетъ отвѣчать на запросы о томъ, правильно ли рѣшены тѣ или иныя задачи.

Рѣшенія задачъ будутъ напечатаны въ журналъ только по истеченіи мѣсячнаго срока послѣ напечатанія 6-ой (послѣдней) серіи задачъ. Это дастъ возможность принять участіе въ конкурсѣ нашимъ читателямъ въ Латвіи и за границей, которые получаютъ журналъ въ руки позже, чѣмъ рижане.

Такимъ образомъ и рѣшенія задачъ **всѣхъ серій** могутъ доставляться редакціи и послѣ истеченія указанныхъ ранѣе сроковъ, **вплоть до окончанія нашего большого конкурса.**

Отвѣты могутъ посылаться по мѣрѣ рѣшенія задачъ, или же **всѣ сразу** (всѣхъ серій). Необходимо только, чтобы были къ **каждой** серіи приложены соотвѣтствующіе талоны (всего 6 талоновъ).

Редакція.

Почтовый ящикъ „Юнаго Читателя“.

Я. Терентьеву. Рѣжица. Вашъ рассказъ будетъ напечатанъ въ отдѣлѣ „Карандашъ и перо“ въ № 6-мъ „Юн. Чит.“.

В. Лейтману. Очень печально, что у Васъ, „что ни урокъ, то единица одна, что ни урокъ, высылаютъ изъ класса и отсылаютъ домой на три дня“. Очень печально, и редакція рекомендуетъ Вамъ лучше не писать объ этомъ, а постараться избавиться отъ единицъ и избѣгать всего того, что грозитъ удаленіемъ изъ класса; о Вашихъ стихахъ — въ слѣдующій разъ.

Ф. Гансену. Валкъ. Эстія. Присылайте еще матеріалъ, но старайтесь писать рассказы покороче: „Карандашъ и перо“ — небольшой отдѣлъ, а авторовъ много, и имъ скучно ожидать очереди.

Роману Богомазову. Стихи Ваши не очень складны. Послѣдняя строчка и совсѣмъ не подходитъ къ размѣру стиха. Кромѣ того, „вездѣ и себѣ“ — не рифма. Читайте стихи хорошихъ русскихъ поэтовъ и учитесь у нихъ рифмовать слова.

Ученикамъ училища св. Георгія въ Берлинѣ. Мы уже сообщили въ № 3 нашего журнала, что рѣшенія задачъ въ **всѣхъ серіяхъ** доставляютъ

ся редакціи и послѣ истеченія указанныхъ ранѣе сроковъ, вплоть до окончанія нашего большого конкурса. Слѣлано это именно для тѣхъ нашихъ читателей, которые получаютъ журналъ въ руки позже другихъ. Итакъ, рѣшайте задачи и присылайте ихъ съ приложеніемъ талоновъ — по отдѣльности, или всѣ мѣстѣ.

Венѣ С. Можете докончить рѣшенія. Радуемся, что вы поправились.

Многимъ. Части для радио и готовые аппараты можно приобрести у „Радио“ (ул. Елизаветинской и ул. Кр. Барона, прот. Верманскаго парка) у Павла Романа и у Перль и Мариенфельдъ. Тамъ же имѣется литература по этому вопросу. Въ научномъ отдѣлѣ „Юнаго Читателя“ мы помѣстимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ практическое руководство къ постройкѣ простого радио-приемника.

Б. Соколову. Рига. Вы сомнѣваетесь, чтобы кто-нибудь могъ рѣшить задачи №№ 3 и 4 безъ помощи автора? Повѣрьте, что многіе рѣшившіе задачи читатели Вамъ не повѣрятъ. А три присланныя задачи Вы сами рѣшили, или Вамъ сестренка помогла?



? Что подарить моему ребенку ?

**Новѣйшія, полезныя
занятія и игры**

для дѣтей всѣхъ возрастовъ

Вы найдете въ институтѣ учебныхъ пособій

„Песталоцци“

Уголь Известковой и Ратушной пл. № 15

Талонъ 5-ой серіи большого конкурса „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“

Имя и фамилія

Адресъ

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не разсматриваются.



Паровое прачешное заведеніе, Красильня
и Химическая чистка

= ALBA =

В. Даниловъ и Ко.

Рига, Аусекла ул. (бывш. Царскосадовая) 6^а.
Тел. 89-89.

**Умѣренные цѣны, добросовѣстн. и аккуратн.
исполненіе. Просимъ убѣдиться.**

Телефонируйте 89-39.

Пріемъ и доставка бѣлья на домъ.

Мѣста пріема:

Ул. Аусеклиса (Царскосадовая) № 6^а.

Ул. Блаумана (б. Невская) № 3.

Столбовая ул. № 28.

Антонинская ул. № 8.

М. Лагерная ул. № 8.

„Юный Читатель“

журналь для семьи и юношества

== под редакціей Л. Кормчаго. ==

Продолжается подписка на 1926 годъ.

Подписная плата на годъ въ Латвіи: 10 латъ, на ½ года 5 латъ.

Представительства журнала „Юный Читатель“:

Соединенные Штаты и Канада

Central Book Trading Co., Inc.,

239 East 10th Street NEW YORK, N. Y.

Продажная цѣна одного номера въ Америкѣ 20 центовъ.

Подписка на 1 годъ 3 дол. 50 цент., на ½ года 1 дол. 80 сант.

съ доставкой и пересылкой.

Финляндія

„Новыя Русскія Вѣсти“

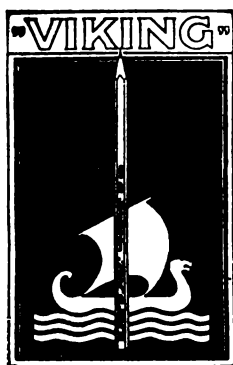
Гельсингфорсъ

Вниманіе!

Бруно Брековъ Сарайная 6
Для дѣтей **игрушки и игры** для всѣхъ
время года

Для взрослыхъ ?

Убѣдитесь сами!!!



Рисуйте и пишите

ТОЛЬКО

карандашами VIKING

**Лучшій подарокъ —
музыкальный инструментъ**

для

ДОМА и ШКОЛЫ

ТОЛЬКО

у

І. РЕДЛИХА

==== Известковая ул., уг. Бульв. Аспазіи. ====



Школьники!

Ранцы, сумки, ученич. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45.



Юные покупатели халвы

покупаютъ халву марки греческ. фабрики

Бр. И. и Н. Манкосъ

КАЖДЫЙ КУСОКЪ ХАЛВЫ СНАБЖЕНЪ КЛЕЙМОМЪ НАШЕЙ ФИРМЫ.

Адресъ фабрики:

Рига, Гоголевская ул. 7-а, тел. 65-12.

Юный читатель

чиститъ обувь

ТОЛЬКО

VICI



Всѣ юные читатели съ удовольствіемъ кушаютъ

вкусные баранки Алоя.

Фабрика: Б. Московская 14-16, тел. 83-06.

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ вниманіе русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНІЯМИ И
ПРЕМИЕЙ по
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премію въ сто латъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера. Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара. Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 2-73. Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Двухнедѣльн. иллюстри-
рованный литературно-
художественн. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла Б. К. Зайцевъ. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лолыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Праудэ, Ю. Г. Рыковскій и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. № начиная съ № 14 — 50 руб. въ Латвіи, 25 ам. ц. загр. Подписная плата съ 1 марта на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер. На 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 лит., за границей — 50 ам. цент. Подписная плата за комплекты Январь-февраль (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., въ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 лит., загр. — 1 дол. 25 цент. Комплектъ за 1925. г. — №№ 1—8 высылается: за 6 лат. въ Латвіи, 15 лит. въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу. Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 916“.

Открыта подписка
на большую еже-
дневную русскую
газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Акц. Общества
„Саламандра“, Рига
(Латвія), б. Кузнечная
43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацію и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболее свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи * Въ „СЛОВѣ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяцъ, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ. „Капитанская дочка“ — цѣна 60 сант. (30 руб.)

Печатается вып. 2-ой: Н. В. Гоголь. „Тарасъ Бульба“.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 2-73.

ОПТИКА и ВСѢ
принадлежности для фотографин
Рига, Бульв. Аспазіи № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во „ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“ Якц. 0-во

уголъ Театральной ул. и бульв. Аспазіи.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гриввудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждановъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Илеко
Истмень. Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопытъ
Маленькій король
Слоникъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофманъ. Щелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковскій. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форслундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранные рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гедниъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Иерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.

опечалило бы многихъ дѣтей, у которыхъ онъ еще не былъ. Я по-смотрѣлъ въ нашу трубу и думаю, что если бы вынуть нѣсколько кирпичей, то ему было бы удобно пробраться въ нашъ домъ.

Рождество прошло у насъ въ домѣ не особенно приятно, далеко не такъ приятно, какъ я ожидалъ. Я весь день лежалъ больной въ по-

всѣ остальные были въ залѣ. Мы ѣли орѣхи, яблоки и пирожное, и мама сказала, что мнѣ лучше идти во-время спать, потому что если св. Клаусъ придетъ и увидитъ, что я не сплю еще, то онъ опять уйдетъ. Вотъ я сталъ подниматься по лѣстницѣ, но такъ медленно, какъ черепаха, потому что мнѣ хотѣлось спать ничуть не болѣе, чѣмъ мистериу Дженнингсу.



Послышался вдругъ такой трескъ, точно весь миръ обрушился...

стели и еще три дня послѣ. Мама тоже была больна. Можетъ быть, я и получилъ бы много подарковъ. Не знаю навѣрное. Тогда была такая ужасная суматоха.

Мнѣ кажется, что въ сочельникъ опять что-то произошло въ нашемъ домѣ. Было около 9 часовъ. Лилъ и Монтэгю, мистеръ Дженнингсъ и

Пять минутъ спустя послѣ того, какъ я дошелъ до послѣдней ступени, послышался вдругъ такой трескъ, точно весь миръ обрушился; что-то ударило меня по головѣ страшно больно — говорятъ, что я около шести часовъ лежалъ безъ сознанія. Казалось, что каминъ въ маминной комнатѣ разсыпался на

тысячу кусковъ, и меня ударило кирпичомъ въ голову сбоку, — какъ-то чудомъ меня не убило, потому что разрушеніе было полное. Всѣ оконныя стекла разбились, зеркало разлетѣлось вдребезги, потолокъ обвалился, а коверъ сталъ совсѣмъ мокрый, потому что водопроводъ лопнулъ. Нигдѣ нельзя развести огня, кромѣ кухни. Мама отъ испуга заболѣла. Папа говоритъ, что это чудо, что не взорвало весь домъ. Когда я пришелъ въ себя, они всѣ удивлялись, какъ это случилось.

Я сказалъ, что, можетъ быть, у св. Клауса было нѣсколько ракетъ въ мѣшкѣ, и ихъ взорвало. Докторъ Муръ замѣтилъ:

— Да, вѣроятно, такъ оно и было.

Тогда папа сказалъ:

— Жоржи, зачѣмъ ты насыпалъ въ каминъ пороху?

Я вскричалъ:

— О, папа! Я не хотѣлъ этого сдѣлать, право же, не хотѣлъ. Я насыпалъ туда только одну полную чайную ложку, т. е. ровно столько, сколько нужно, чтобы выбросить три-четыре кирпича, чтобы проходить былъ свободнѣе. Развѣ это было дурно, папа?

— О, нѣтъ, Жоржи, — сказалъ онъ насмѣшливо, — нѣтъ, нисколько. Поправка обойдется мнѣ не дороже 300 долларовъ; и тебѣ, вѣроятно, все равно, что мама больна, и что ты не получишь рождественскихъ подарковъ.

Я очень опечаленъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сказалъ это. Я ввожу мое семейство въ ужасные расходы. Неприятно въ такую холодную погоду заставлять людей работать въ домѣ; а самое скверное то, что я не получу подарковъ, которыхъ жду уже нѣсколько недѣль. Изъ замѣчаній нѣкоторыхъ людей я вижу, что имъ было бы пріятнѣе, если бы я самъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣсто всего прочаго. Папа говоритъ, что ему нельзя будетъ возобновить страховки въ этомъ городѣ, придется поѣхать въ столицу, гдѣ еще ничего не знаютъ про меня. Взрослые люди очень неразумны: они воображаютъ, что дѣти могутъ все

знать, прежде чѣмъ испробуютъ сами.

Джимми Блэкъ былъ сегодня у меня и говорилъ, что мнѣ не зачѣмъ было расширять дымовую трубу, потому что св. Клаусъ, это — папа и мама. Я спросилъ объ этомъ Сузи, но она сказала, что Джимми дуракъ. Онъ показалъ мнѣ новый ножикъ, который получилъ. Я хотѣлъ посмотреть, насколько онъ остеръ, и прорѣзалъ дыру на простынѣ, но Бетти обѣщала ее заштопать.

Сестры очень заботятся о томъ, чтобы домъ былъ исправленъ еще до Новаго Года. Я думаю, имъ не зачѣмъ беспокоиться, потому что я еще въ сочельникъ сказалъ молодымъ людямъ на почтѣ, чтобы они лучше не приходили къ намъ — слишкомъ много хлопотъ. Я охотно избавляю своихъ сестеръ отъ безпокойствъ, если могу. Шишка на моей головѣ понемногу проходитъ.

Докторъ Муръ говоритъ, что завтра я уже могу выйти. Теперь прекрасный санный путь, снѣгу на футъ глубины; всѣ мальчики и дѣвочки развлекаются, и колокольчики звенятъ.

Мнѣ ужасно досадно, что мои коньки пропали, потому что взорвало дымовую трубу. Послѣзавтра будетъ общество у священника — не у мистера Слокума, а у другого: всѣ приглашенные будутъ дѣлать другъ другу подарки. Надѣются что все обойдется хорошо, потому что дорога хорошая и теперь праздники. Жена священника была у насъ, чтобы узнать, какъ моя голова; она и мама говорили о подаркахъ. Я слышалъ, какъ она шутя говорила, что надѣется, что кто-нибудь принесетъ ей коробку крахмалу, потому что у нея весь вышелъ, а мужъ ея любитъ накрахмаленные воротники. Я, пожалуй, пойду завтра къ Петерсу и скажу ему про крахмаль: у него бакалейная торговля.

Дорогой дневникъ, прощай, я долженъ ѣхать — мой чемоданъ уложенъ. Бетти и мама плакали такъ,

что глаза у нихъ покраснѣли. Я долженъ ѣхать въ школу, быть можетъ, за 100 миль отсюда, а въ письмѣ сказано:

«Здоровый пріютъ въ деревнѣ для мальчиковъ. Умѣренныя условія, хорошая пища, добросовѣстное преподаваніе».

Я жалѣю тѣхъ, къ кому ѣду, потому что я такое чудовище, что мои сестры взбѣшены. Отецъ говоритъ, что я вредный человекъ, такой вредный, какого еще не бывало; но Бетти говоритъ, что это просто стыдъ и срамъ посылать одинокаго мальчика въ пансіонъ.

Наши не хотѣли взять меня съ собой къ священнику, хотя я упрашивалъ ихъ, потому что мнѣ хотѣлось видѣть, кто что принесетъ, это такъ забавно, — потому я пошелъ одинъ, еще до нихъ.

Священникъ только что пообедалъ, когда я пришелъ. Пришелъ затѣмъ мистеръ Петерсъ и принесъ крахмалъ. Пришелъ мистеръ Блэклендъ и принесъ крахмалъ. Мистеръ Джонсъ принесъ крахмалъ, мистеръ Робинзонъ принесъ тоже крахмалъ. Всѣ принесли крахмалъ. Сначала семейство священника смѣялось, но когда такъ продолжалось далѣе, они стали сердиться; и наконецъ, онъ самъ очень серьезно сказалъ:

— Если это шутка, друзья мои, то весьма жалкая.

Всѣ посмотрѣли на меня (я какъ разъ сидѣлъ и разсматривалъ фотографическій альбомъ) и сказали:

— Жоржи сказалъ намъ.

Я сказалъ это только потому, что слышалъ, какъ она говорила, что ей нуженъ крахмалъ. Я хотѣлъ, чтобы ей принесли его больше. Я не думалъ, что меня за это выдерутъ за уши и отошлютъ домой передъ угощеніемъ. Иные люди были бы рады сдѣлать себѣ цѣлый крахмальный пуддингъ. Я совсѣмъ отчаиваюсь дѣлать то, что люди хотятъ сами.

На слѣдующій день было большое катанье на саняхъ. Никто не пригласилъ Бессъ кататься, потому что она помолвлена и женихъ ея въ городѣ. Я слышалъ, какъ она говорила, что ей ужасно хочется по-

ѣхать; и такъ какъ я случайно проходилъ мимо лавки того господина, котораго она прогнала послѣ того, какъ ускакала лошадь, я спросилъ его, не возьметъ-ли онъ ее покататься? Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, этого бы я не сдѣлалъ, будь она даже единственная женщина въ мірѣ!

Бессъ не слѣдовало меня за это бить: я сдѣлалъ это только потому, что ей самой такъ хотѣлось ѣхать.

На другой день былъ Новый Годъ. Но къ намъ гости не приходили, дѣвочки были уже внѣ себя отъ ожиданія. Много молодыхъ людей проходило мимо, нѣкоторые подходили къ нашимъ воротамъ, но не входили, потому что къ ручкѣ звонка я привѣсилъ корзину для визитныхъ карточекъ, чтобы мои сестры не имѣли хлопотъ. Вечеромъ Бессъ схватила меня за плечо и сказала:

— Жоржи Гаккетъ, ты опять что-нибудь напроказилъ; посмотри мнѣ прямо въ глаза и скажи, что ты сдѣлалъ?

Я посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ничего не сдѣлалъ, только избавилъ васъ отъ безпокойства принимать гостей.

— Что ты надѣлалъ? — повторила она и трясла меня все сильнѣе и сильнѣе.

— Я только написалъ нѣсколько словъ и отнесъ въ редакцію газеты, какъ это дѣлаютъ другіе люди, когда хотятъ объявить о чемъ-нибудь.

Бессъ схватила вчерашнюю газету, быстро пробѣжала ее и дошла, наконецъ, до отдѣла объявленій, гдѣ было напечатано:

«Всѣмъ кого это касается.

Дѣвицы Гаккетъ въ Новый Годъ не будутъ дома, потому что здоровье ихъ очень слабо: у нихъ постоянно болитъ бокъ, когда онѣ надѣваютъ свои новыя платья; устраивать тонкіе завтраки очень неудобно, устрицы дороги, онѣ не окупаются, потому что молодые люди вообще очень мелко плаваютъ. Онѣ на этотъ разъ извиняются.

Сузи Гаккетъ,
Бессъ Гаккетъ».

Сузи смотрѣла Бессъ черезъ плечо, обѣ были красны, какъ огонь, потомъ поблѣднѣли, какъ мѣлъ, и сѣли разомъ, какъ по командѣ. Было такъ тихо, какъ ночью. На улицѣ радостно звенѣли колокольчики, и молодые люди весело проходили мимо нашего дома.

— Жоржи, съ этой минуты я отрезаюсь отъ тебя! — проговорила, наконецъ, Сузи.

— Это ужъ слишкомъ, это ужъ слишкомъ! Я никогда не осмѣлюсь поднять своей головы! Это — послѣдняя соломинка!

Насколько я могъ судить, соломъ здѣсь вообще никакой не было; я просто хотѣлъ избавить моихъ сестеръ отъ скучныхъ визитовъ.

Дѣвочки очень неблагодарны, онѣ не заслуживаютъ, чтобы ихъ маленькій братецъ ихъ любилъ и свои собственные 28 центовъ истратилъ на объявленіе въ газетѣ.

Я думалъ, что если молодые люди не придутъ, то я получу кучу пирожныхъ, конфектъ и все, чего они не съѣдятъ, разъ ихъ не будетъ. Вмѣсто того, меня прогнали

и велѣли сидѣть наверху. Новый Годъ былъ самымъ длиннымъ днемъ въ моей жизни; если бы не вошла въ мою комнату кошка, я бы, кажется, съ ума сошелъ. Кошки не твердятъ мальчикамъ постоянно, что они нестерпимы; и я подозреваю, что миссъ Бессъ будетъ очень удивлена, когда раскроетъ свою шляпную картонку, чтобы, идя въ церковь, надѣть свою новую шляпу. и оттуда выскочить кошка, — я вчера посадилъ ее туда.

Итакъ, еще разъ прости. Я стараюсь хорошо вести себя въ школѣ. Я общалъ мамѣ не дѣлать ей сраму, если могу. Я сунулъ въ карманъ свою бѣлку, никто не знаетъ, что я беру ее съ собой. Я хотѣлъ бы знать, будутъ-ли мальчики смѣяться, если я посажу ее на столъ въ первый разъ, какъ приду завтракать.

О, Боже, какимъ одинокимъ я себя чувствую! Старый господинъ рядомъ со мной спитъ крѣпко. Интересно знать, вскочить-ли онъ, если я уколю его иголкой; и упадутъ-ли у него очки?

Глава X.

Большой успѣхъ.

Какое ужасное чувство — тоска по дому! Пршлую ночь я долго не спалъ — болѣе получаса — все думалъ о Бетти. А я здѣсь — бѣдный мальчикъ, изгнанный изъ родины своихъ отцовъ, такой больной и усталый; мнѣ не понравился даже имбирный хлѣбъ, который здѣсь дали намъ на ужинъ.

О, мама, пришли сюда и вели взять домой твоего Жоржи! Мнѣ слишкомъ обидно слышать, какъ профессоръ Питкинсъ отзывается о моемъ чтеніи по складамъ. Я не выношу рубленой говядины и овсяной каши, которую даютъ намъ на завтракъ. Я не выношу насмѣшекъ большихъ мальчугановъ. Кажется, они думаютъ, что у маленькаго мальчика столько же чувства, сколько у жабы

«Съ особенной заботливостью относятся къ маленькимъ ученикамъ» — говорилось въ письмѣ.

Мистриссъ Питкинсъ подала руку моему отцу: «я буду ему матерью», сказала она, и это меня очень разсердило. Я вовсе не хочу утруждать ее этимъ. Я не бѣби; да и мама не сказала бы, что я капризничая, когда мнѣ просто хочется домой, и какъ же мнѣ не тосковать, когда они за обѣдомъ кладутъ мнѣ на стулъ словарь, чтобы я сидѣлъ выше, и втихомолку смѣются надо мной? Вотъ ужъ мучатъ они мальчика — право, можно съ ума сойти.

Меня такъ забросали снѣжками, точно я заборный столбъ. Бетти плакала бы, если бы видѣла. Моего шелковаго галстука нѣтъ, мои

рукавицы на крыщѣ, — ихъ унесла кошка, потому что они надѣли ихъ ей на голову. Но я не плакалъ ни капельки. Они не могутъ со мной справиться.

Джекъ Бенсъ говоритъ, что я стойкій, и онъ будетъ стоять за меня. Онъ очень большой мальчикъ, и значитъ у меня, по крайней мѣрѣ, есть другъ. О, какъ это ужасно быть такъ далеко отъ всѣхъ, кого любишь, какъ разъ когда тебя ждуть пироги съ мясомъ и орѣхи! Когда я вспоминаю о трехъ бочкахъ со сладкими яблоками, что стоятъ въ нашемъ погребѣ, такъ, кажется, и полетѣлъ бы туда.

Мистриссъ Питкинсъ очень толстая дама, но я не знаю, отчего бы это развѣ что она ѣсть одна между завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. Я сижу около нея на словарѣ Вебстера, чтобы быть выше.

Сегодня утромъ я хотѣлъ быть такимъ же вѣжливымъ, какъ краснокожій кельнеръ въ гостиницѣ, гдѣ живетъ Лилъ, и быстро соскочилъ со словаря, чтобъ отодвинуть ея кресло, но она не знала, что я такъ вѣжливъ, и, по глупости, сѣла. Она сѣла прямо на полъ. Какъ она шлепнулась! Но развѣ справедливо было сердиться и говорить, что я сдѣлалъ это нарочно?

Теперь она хочетъ написать мнѣ, что я — самый скверный мальчикъ въ школѣ, только ей придется подождать одинъ или два дня, пока она выздоровѣетъ. Она очень нездорова. Если бы она была фарфоровая, она бы сломалась.

Я началъ учиться географіи. Тамъ сказано, что земля круглая, но я этого не вижу. У насъ большой глобусъ въ классѣ. Его можно поворачивать. Мнѣ нужно вырѣзать изъ него кусокъ ножомъ, потому что мнѣ давно хочется знать, пустой-ли онъ въ серединѣ, или грязь проходить насквозь. Я учусь также арифметикѣ. Это забавная книга. Тамъ сказано, что если у Джона семь змѣевъ, а у Чарльса вдвое больше, то у него 14, а это вѣдь слишкомъ много для мальчика, развѣ что будетъ сильный вѣтеръ и веревки лопнуть.

Въ мартѣ какъ разъ время пускать змѣя. Но если я останусь здѣсь, то боюсь, что у меня не будетъ на это охоты. Вываренный рисъ съ сиропомъ такъ обезкураживаетъ, что я напишу Бетти, какъ я обѣщала, — она всегда такъ интересовалась тобой, милый дневникъ, — чтобы она велѣла кухаркѣ прислать мнѣ корзинку, а Бетти должна помочь ей чистить изюмъ, чтобы не терять времени.

Здѣсь есть также миссъ. Она проходить уроки съ маленькими мальчиками. Я ее очень люблю, но Джекъ Бенсъ говоритъ, что она старая дѣва. Что же такое, если это и правда?

Ее зовутъ миссъ Гэвентъ. Мнѣ кажется, что она меня любитъ. Я ей по секрету рассказалъ, что дома меня считаютъ дурнымъ мальчикомъ, но что я проказничаю безъ умысла. Она меня очень жалуетъ. Она сказала, чтобы я приходилъ къ ней въ комнату, когда мнѣ скучно. Я думаю, что пойду къ ней сегодня вечеромъ.

Бетти всегда говоритъ, что пятница несчастный день; мнѣ кажется, это правда. Всѣ мальчики теперь ужинаютъ, кромѣ меня. Я не получу ужина. Грустно быть наказаннымъ въ первую же недѣлю. Если когда-нибудь мальчикъ изъ всѣхъ силъ старался не дѣлать того, чего онъ не хотѣлъ дѣлать, то я — этотъ мальчикъ. Я прихожу къ заключенію, что я несчастливецъ. Можетъ быть, если бы я былъ глухъ и нѣмъ и ничего бы не видѣлъ, то со мной не приключалось бы столько случаевъ.

У профессора Питкинса насморкъ. Только и слышно, какъ онъ чихаетъ и чихаетъ; но онъ надѣлъ на себя большой красный шелковый носовой платокъ, и это все-таки лучше, чѣмъ ничего. Мистриссъ Питкинсъ все еще въ постели, но она посылала за мною и еще разъ сказала мнѣ, что я скверный мальчикъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы она сказала мнѣ что-нибудь новое. Она плакала, точно у нея зубы болѣли, когда говорила мнѣ, что боится, какъ бы профессоръ отъ этого не умеръ. Я сказалъ:

— Если онъ умретъ, то школу закроютъ и меня отошлютъ домой? — О, радость, радость! — какъ поютъ дѣти.

Она сказала:

— Ты маленькій, безсердечный чертенокъ!

Мнѣ кажется, что я не безсердечный, если хочу домой. А съ профессоромъ дѣло было вотъ какъ: вчера, часъ спустя послѣ чая, я пошелъ въ столовую посмотреть, не забыла-ли дѣвушка вынести пирожное. Тамъ было очень тепло, потому что они живутъ въ этой комнатѣ. Профессоръ Питкинсъ лежалъ, растянувшись на диванѣ за печкой, съ книгой, которой онъ не читалъ, потому что крѣпко заснулъ. Ми-стриссъ Питкинсъ не было, потому что она все еще лежитъ съ тѣхъ поръ, какъ съѣла на полтъ. Мы были совсѣмъ одни. Пирожное было заперто. Я подошелъ близко къ нему, чтобы посмотреть, почему онъ такъ смѣшно храпитъ. Я не боялся, вѣдь онъ крѣпко спалъ. Я сначала думалъ, что у него болитъ что-нибудь; онъ такъ храпѣлъ, будто льютъ воду изъ бутылки и въ то же время свистятъ. Вдругъ я замѣтилъ, что верхняя часть его головы немножко отвалилась. Я сперва испугался, потому что думалъ, что онъ отъ этого умретъ. Я побѣжалъ наверхъ къ Джеку Бенсу и рассказалъ ему. Онъ сказалъ:

— Э, да онъ носить парикъ, а парикъ немного скатился.

Я спросилъ его, что это такое парикъ? Онъ сказалъ, что это то, что срѣзываютъ индѣйцы, когда скальпируютъ человѣка.

Я спросилъ:

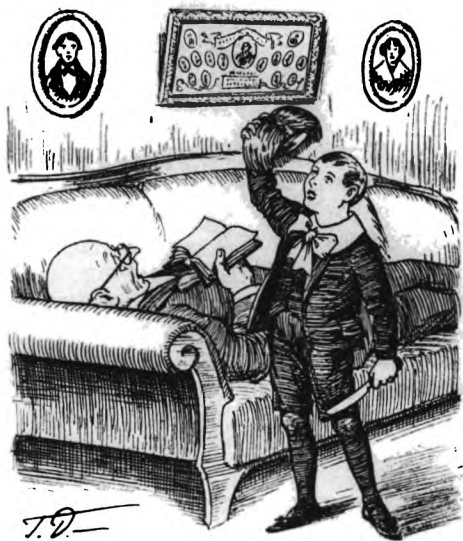
— Развѣ профессора Питкинса скальпировали?

Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, но это бы слѣдовало; онъ такая дрянь, что скальпированіе еще слишкомъ хорошо для него.

Джекъ былъ такъ занятъ латинскимъ урокомъ, что я пошелъ назадъ въ столовую. Ножи лежали на столѣ, по одному у каждой тарелки. Я взялъ одинъ ножикъ и подкрался къ профессору тихо, какъ мышь. Я провелъ ножомъ кругомъ его головы, какъ, читалъ я, дѣлаютъ

краснокожіе, и снялъ съ него скальпъ очень медленно, чтобы онъ не проснулся. Потомъ я на четверенькахъ поползъ по ковру, точно по травѣ. Онъ не проснулся; я проскользнулъ въ сѣни, вскочилъ и



Я провелъ ножомъ кругомъ его головы и снялъ съ него скальпъ.

побѣжалъ въ длинную комнату, гдѣ учились мальчишки.

— Ухъ, ухъ! — ревлъ я, но я не смѣлъ кричать слишкомъ громко. — Я снялъ съ него скальпъ! Если бы у меня былъ поясъ, я бы привѣсилъ его себѣ!

Ну, и подняли мальчишки гвалтъ!

— Ура, да здравствуетъ Жоржи!

— Тебя исключать!

— Профессоръ страшно разсердится!

— Какъ это ты посмѣлъ?

— Спрячь его, Жоржи!

— Покажи, какъ онъ выглядить!

Я показалъ его всѣмъ. Насъ это страшно забавляло. Я примѣрилъ его, и всѣ остальные его тоже надѣвали. Потомъ его снова надѣли на меня, поставили меня на высокой столъ и закричали: «Читай лекцію, Жоржи!»

Я заложилъ руку за спину, точно за фалды фрака профессора, откашлялся и сказалъ:

— Гм! Господа, я хотѣлъ бы сегодня обратить ваше вниманіе на

царство животныхъ, которое бываетъ различныхъ размѣровъ и видовъ. Слоны, напримѣръ, гораздо больше блохи, но блоха превосходить его въ прыганьи. Я бы не желалъ, чтобы слонъ прогуливался по моей спинѣ, когда я сплю. Я не буду васъ больше задерживать сегодня, господа, потому что знаю, что вамъ хочется забросать снѣжками Жоржи Гаккета, самаго маленькаго ученика въ этой школѣ.

Потомъ они помогли мнѣ сойти. Джекъ Бенсъ шепнулъ мнѣ, чтобы я отдалъ парикъ; я отвѣтилъ, что хочу это сдѣлать. Но какъ разъ, когда я скатился по периламъ, профессоръ очень быстро вошелъ въ сѣни. Я, право, не могъ остановиться. Носокъ моего башмака попалъ ему прямо въ ротъ, у него оказалась кровь, и зубы его выпали.

Это было ужъ совсѣмъ глупо. Я не зналъ, что его зубы могутъ выпастъ, да и не виновать въ этомъ.

Пока онъ утиралъ кровь, я шмыгнулъ въ комнату и поскорѣе бросилъ парикъ въ печку, потому что профессоръ былъ такъ сердитъ, что я не могъ рѣшиться сказать ему, что я ножомъ срѣзалъ парикъ съ его головы.

Голова его сверху выглядѣла, какъ яйцо страуса, которое привезъ когда-то мой двоюродный братъ. Профессоръ спросилъ меня, гдѣ его парикъ? Я спросилъ его, не думаетъ-ли онъ, что виновата кошка? Онъ сталъ такъ трясти меня, что я заплакалъ; а потомъ я сказалъ, что можетъ быть, индѣйцы вздумали снять съ него скальпъ, пока онъ видѣлъ сонъ. О, какъ мраченъ былъ его взглядъ.

Онъ созвалъ всѣхъ мальчиковъ. Ни одинъ не могъ сказать ему, куда дѣвалась его голова. Я сказалъ: можетъ быть крысы утащили его въ дырку.

Онъ приходилъ все въ большую ярость, а потомъ началъ чихать. Когда я услышалъ, что онъ чихаетъ, мнѣ стало жалко, что я сжегъ его парикъ. Я не зналъ, что взрослый человѣкъ такъ легко получаетъ насморкъ. Я сказалъ ему, чтобы онъ лучше легъ въ постель и положилъ на голову горчичникъ.

Онъ сказалъ, что если бы этого не случилось, такъ скоро послѣ праздниковъ, то онъ закрылъ бы школу; такіе безбожные мальчишки заслуживаютъ наказанія. Онъ почти увѣренъ, что это сдѣлалъ я; онъ скоро это узнаетъ, и тогда — горе виновному!

Я вспомнилъ, мама говорила мнѣ, что дурно говорить неправду. Я проглотилъ свои слезы:

— Господинъ профессоръ, другіе мальчишки не виноваты, это сдѣлала кошка. Я видѣлъ, какъ она съ нимъ играла, когда пошелъ внизъ посмотреть, спрятали-ли Бриджетъ пирожное, и сказать ей, чтобы она лучше его спрятала, чтобы другіе не стали лакомиться.

Профессоръ надѣлъ свои очки и съ минуту смотрѣлъ на меня ужасно пристально, точно я былъ червячокъ, котораго разсматриваютъ въ микроскопъ. Мнѣ хотѣлось провалиться сквозь землю. Нужно было заговорить о чемъ-нибудь другомъ, и я спросилъ его:

— Вы такъ и родились лысымъ, господинъ профессоръ?

Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и ужасно сморщилъ лобъ. — Кажется, онъ хотѣлъ сказать что-то очень строгое, потому что началъ такъ:

— Ты самый дерзкій маленькій — алчхи! — котораго я когда-либо — алчхи!

Потомъ онъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты, потому что мальчишки хихикали въ свои носовые платки; онъ сегодня весь день ходитъ съ обвязанной головою и вовсе не похожъ на профессора. Говорятъ, онъ телеграфировалъ, чтобы ему сегодня же вечеромъ съ нарочнымъ выслали парикъ. Мальчишки сегодня свободны и потому думаютъ, что все обстоитъ благополучно, но меня заперли въ комнатѣ на хлѣбъ и сиропъ, а это ужъ совсѣмъ подло.

Не знаю, какъ бы я провелъ этотъ скучный день, если бы не увидѣлъ въ полу отверстія, прикрытаго круглымъ кусочкомъ жести. Я посмотрѣлъ въ него, оно приходилось какъ разъ надъ письменнымъ столомъ мистриссъ Питкинсъ, на которомъ лежало много вещей; я со-

гнуть булавку и привязать ее къ длинному шнуру, который былъ у меня въ карманѣ, и для препровожденія времени сталъ удить рыбу.

Я наловилъ много смѣшныхъ рыбъ: пару браслетовъ, кружевную покрывку съ подушки для иголокъ, нѣсколько очень потѣшныхъ локончиковъ, семь шпилекъ и нѣсколько воротниковъ и рукавчиковъ, три маленькихъ покрывала, бутылочку одеколону съ привязанной къ ней голубой ленточкой, въ которую булавка воткнулась очень легко, пудреницу, — только крыш-

ка свалилась, и пудра высыпалась, такъ что я поскорѣе закрылъ дырку, чтобы мнѣ не досталось за то, что я рассыпалъ пудру.

Милый дневникъ, теперь я долженъ написать мамѣ, сколько я выучилъ изъ географіи и изъ другихъ предметовъ. Она не повѣритъ, что я такъ тоскую по дому, что мнѣ слѣдуетъ поскорѣе прислать фруктовый тортъ. Я слѣлалъ такіе успѣхи въ чтеніи и въ хорошемъ поведеніи, что она могла бы прибавить къ нему еще и кремовый тортъ.

Глава XI.

Онъ дѣлается клептоманомъ.

Удивительно, право, чему только ни научится мальчикъ въ приготовительномъ пансіонѣ. Артуръ Браунъ показалъ мнѣ, какъ бросать бумажные шарики такъ, чтобы никто не замѣтилъ, кто ихъ бросилъ. Вилли Вильсонъ научилъ меня, какъ вставать послѣ того, какъ уже ляжешь спать, и какъ тогда можно позабавиться; потомъ, какъ писать отвѣты на бумажкѣ и класть ихъ въ книгу, чтобы не нужно было такъ много учиться. Считать въ умѣ страшно трудно: нужно все дѣлать въ головѣ, и тогда болить голова, когда хочешь кататься на конькахъ.

На доскѣ оно гораздо легче, потому что можно нарисовать профессора, когда не выходитъ сложене. Можно нарисовать и мистриссъ Питкинсъ очень толстой; только нужно скорѣе стереть, пока она тебя не поймаетъ, потому что она ужасно сердитая, когда ее рисуютъ тучной.

Вчера она поймала меня за этимъ занятіемъ. Я долженъ былъ стать посреди комнаты въ дурацкомъ колпакѣ изъ цвѣтной бумаги на головѣ. Мнѣ это ни по чемъ: только Бетти будетъ сердиться, если я ей напишу, какъ они со мною обращаются. Я сказалъ ей, что это все-

таки лучше, чѣмъ парикъ; но она всныхнула, какъ огонь.

Мнѣ кажется, что они что-то имѣютъ противъ меня послѣ случая съ парикомъ, хотя его новый парикъ еще лучше прежняго. Они готовы напасть на бѣднаго Жоржи каждый разъ, когда что-нибудь не ладно.

Это не я разлилъ чернила по всей комнатѣ. — несправедливо было бранить за это; — я только привязалъ чернильницу къ хвосту кошки: кошка разлила чернила, а не я.

Профессоръ говоритъ, что если еще разъ случится что-либо подобное, то меня суспендируютъ. Я спросилъ Джека, что такое значить суспендировать? Онъ сказалъ, чтобы я посмотрѣлъ въ толстомъ словарѣ, на которомъ я всегда сижу за обѣдомъ. Тамъ сказано: прикрѣпить къ чему-нибудь вверху, повѣсить. О, какая ужасная участь ожидаетъ маленькаго мальчика! Я думаю, что вѣшаютъ только ужасныхъ разбойниковъ.

Миссъ Гэвенъ говоритъ, что меня не повѣсятъ, а только отправятъ домой, а я вѣдь этого только и хочу; но она говоритъ, что мама и сестры будутъ этимъ очень огорчены, — это былъ бы срамъ. Чуде-